

P. O. rel.

3148

P.O. rel.

3148

Karamsin

с Карамзин

ПИСЬМА КАРАМЗИНА

къ

АЛЕКСѢЮ ФЕДОРОВИЧУ МАЛИНОВСКОМУ

и

ПИСЬМА ГРИБОѢДОВА

къ

СТЕПАНУ НИКИТИЧУ БѢГИЧЕВУ.

Издание Общества Любителей Россійской Словесности
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

Подъ редакціею дѣйствительнаго члена и секретаря общества

М. Н. Лонгинова.

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметева.

1860.

128 - 129.

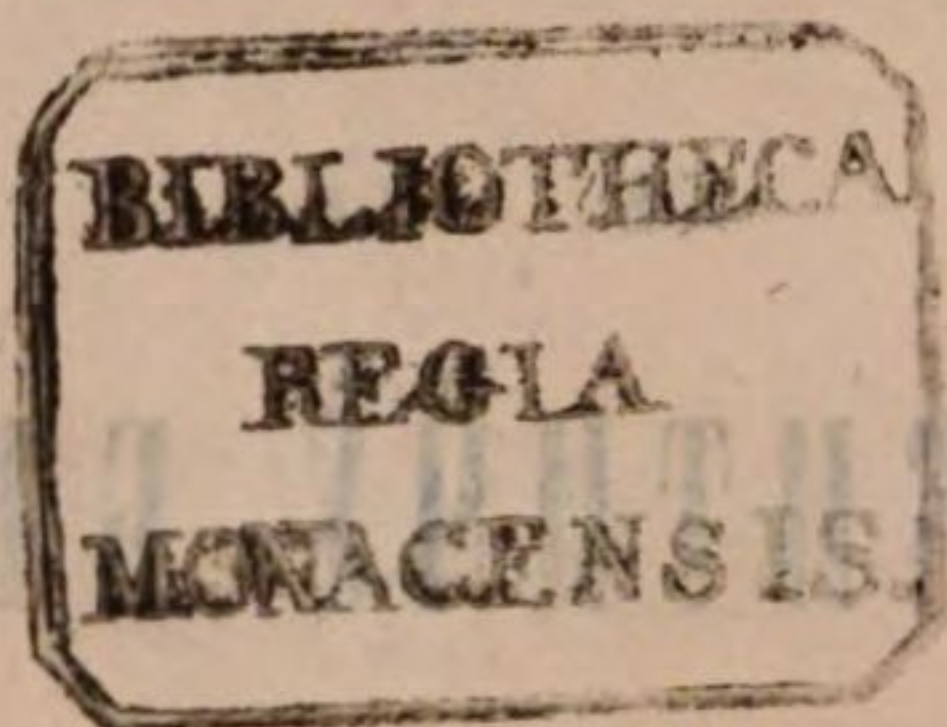
ИМПЕРАТОРСКАЯ

КР

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

II

ИМПЕРАТОРСКАЯ

Издано по повелению Императорского Московского Университета.

Под редакцию действительного члена Императорского Академического Совета

М. Н. Платонов.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 10-го іюня
1860 года.

Ценсоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Общество Любителей Россійской Словесности въ минувшемъ году получило въ даръ: а). 73 письма Карамзина къ Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому и б). 19 писемъ Грибоѣдова къ Степану Никитичу Бѣгичеву.

Объ эти рукописи, заключающія въ себѣ точныя копии съ подлинниковъ, предназначены были къ напечатанію въ повременномъ изданіи: «Засѣданія Общества Любителей Россійской Словесности». Съ нѣкоторыми изъ писемъ Грибоѣдова публика ознакомилась при чтеніи ихъ въ публичномъ засѣданіи Общества 26 апрѣля 1859 года.

Въ настоящее время Общество пріостановило изданіе своихъ «Засѣданій» на неопредѣленное время. Но, не желая лишать публику возможности читать письма Карамзина и Грибоѣдова, представляющія, при высокомъ литературномъ достоинствѣ, важныя матеріалы для исторіи словесности и для характеристики двухъ славныхъ писателей и ихъ времени, Общество, въ засѣданіи 11-го марта 1860 года, постановило: напечатать особою книгою письма Карамзина и Грибоѣдова съ объяснительными примѣчаніями, составленными къ нимъ, по порученію

Общества, Секретаремъ его Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ.

Издавая эти письма, Общество считаетъ не лишнимъ предувѣдомить, что въ случаѣ полученія другихъ документовъ того же рода, оно будетъ печатать ихъ согласно съ планомъ, принятымъ для настоящаго изданія.

П Р Е Д И С Л О В І Е

Москва,

15-го марта,

1860.

ПИСЬМА КАРАМЗИНА

КЪ

АЛЕКСАНДРУ ФЕДОРОВИЧУ

МАЛИНОВСКОМУ.

1813—1826.

ПИСЬМА КАРАМЗИНА

АЛЕКСАНДР ОДОБРИЛ

МАЯНОВСКОМУ

1813—1820

1.
Нижній Новгородъ, 17-го февр. 1813 г.

Здравствуйте, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! (1) Сердечно благодарю за исполненіе моего порученія и за дружеское письмо, въ которомъ говорите о вашемъ Московскомъ житьѣ-бытьѣ. Вамъ бываетъ грустно, и намъ также; но многимъ ли весело? вы на пепелищѣ, а мы какъ въ ссылкѣ. Московскіе пріятели или уже оставили или оставляютъ насъ, а Нижегородскими не умѣемъ довольствоваться, и мысль: что будетъ? тревожитъ сердце. Толкаю себя въ правый и лѣвый бокъ, чтобы чаще взглядывать на небо; но суетная земля еще крѣпко удерживаетъ свои права на мою слабую душу. Желаю работать: только не имѣю всего, что надобно. Читаю Монтаня и Тацита: они жили также въ бурныя времена.

Ожидаемъ весны, не позволяя себѣ въ мысляхъ устроить будущаго. Хорошо, если бы мы около іюня благополучно отсюда выѣхали и въ радости увидѣлись бы съ вами. Все зависитъ отъ Бога.

Если война продолжится, то Москва не скоро возстанетъ изъ пепла: у дворянъ мало денегъ, а купцы одни не построятъ города. Лавочки не палаты.

Радуюсь, что Синодальная библіотека цѣла, и не перестаю тужить о Пушкинской (2). Исторія наша лишилась сокровища.

Мое душевное почтеніе Николаю Николаевичу (3). Дай Богъ ему здоровья; благодарю его сына, Дмитрія Николаевича (4), за увѣдомленіе о спасенныхъ книгахъ Университетскихъ. Пусть онѣ лежать у васъ до моего пріѣзда; не отдавайте ихъ никому. — Вручите приложенное письмоцо Вильгельму Михайловичу (5).

Съ любовію и почтеніемъ цѣлую ручку у Анны Петровны (6). Обнимаю васъ и маленькую (7). Жена моя вамъ дружески кланяется. Андрюша все еще худо оправляется. Богъ съ вами. Будьте здоровы и благополучны. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

2.

Здравствуйте, любезнѣйшій нашъ Алексѣй Ѳеодоровичъ! Мнѣ уже грустно, что я такъ давно не видалъ васъ. Дней десять тому, какъ я былъ въ Москвѣ: мнѣ сказали, что вы въ деревнѣ. Наслаждайтесь совершеннымъ здоровьемъ, семейственными удовольствіями и пріятностями сельской жизни! Очень, очень благодарю васъ за моего слѣпца; но мнѣ жаль, что вы опять взяли на себя заботу объ немъ и отправили назадъ жену его. Чувствую всю цѣну вашего одолженія. — Хвала Богу! можно надѣяться, что Европа будетъ спокойна. Я нѣсколько дней и ночей всею душою занимался вѣшними происшествіями, которыя должны опредѣлить судьбу міра. — Дѣти наши все еще не совершенно здоровы: то Андрюша, то Наташа беспокоятъ насъ отъ времени до времени. Впрочемъ надѣюсь на милость Божию. — Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, и васъ отъ всего сердца обнимаю. Будьте благополучны и любите насъ.

3.

Здравствуйте, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! Давно ничего объ васъ не слышу; знаю только, что вы, подобно намъ, живете въ деревнѣ, и спокойно, какъ надѣюсь. Мы, слава Богу! не такъ часто и не такъ сильно беспокоимся о дѣтяхъ: это уже для насъ счастье. Обороть дѣлъ политическихъ также исполняетъ мое сердце благодарностію къ Богу, хотя я и не весьма доволенъ нѣкоторыми поступками дѣйствующихъ. — Какъ вы проводите время? и когда думаете возвратиться въ городъ? намъ бы еще хотѣлось долго пожить въ деревнѣ. — Усердно благодарю васъ за милостивое призрѣніе моего слѣпца. — Экономка ваша не хотѣла сказать мнѣ, сколько она заплатила за его лекарства. Теперь онъ видитъ однимъ глазомъ хорошо, а другимъ еще мало. Гильдебрандтъ (8) велѣлъ ему возвратиться въ деревню. Онъ благодаритъ Бога и васъ. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Жена моя и дѣти вамъ обоимъ усердно кланяются. Обнимаю васъ и милую Катеньку. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

4.

Всегда съ глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ принимаю въ сердце всѣ ваши дружескія увѣренія, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ. Вы одинъ изъ немногихъ старинныхъ, искреннихъ друзей моихъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ: я знаю, что вы меня любите, и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ самыхъ чувствительныхъ горестяхъ моей жизни. — Обнимаю

васъ отъ души, и цѣлую ручку у почтенной Анны Петровны, которой дружба для насъ также драгоцѣнна. Очень благодарю за письмо К. Курбскому. Если Богъ дастъ, то можемъ къ 15-му декабря переѣхать въ Москву.

Вашъ Н. Карамзинъ.

5.

Москва, 20-го января 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! я брался за перо, чтобы писать къ вамъ, и получаю ваше дружеское письмо. Оно доказываетъ, что вы и въ Петербургскихъ хлопотахъ не забываете вѣрныхъ, печальныхъ Московскихъ друзей. Катерина Андреевна родила сына Александра, но худо оправляется, и два раза пугала меня сильнымъ жаромъ, слѣдствіемъ ея грусти, какъ думаю. Между тѣмъ, если не будетъ съ нами какого новаго несчастія, готовлюсь ѣхать въ Петербургъ и могу застать васъ. Не легко оставить жену, которая еще далека отъ спокойствія. Благоразуміе, кажется, требуетъ, чтобы скорѣе рѣшить судьбу труда моего. Во всякомъ случаѣ мнѣ утѣшительно будетъ свиданіе съ вами и съ почтенною Анною Петровною, какъ съ истинными ближними сердца. — Я писалъ къ Великой Княгинѣ (9) и не получилъ отвѣта. Она занята и въ насъ не имѣетъ нужды. Лѣта располагаютъ насъ къ умѣренности и къ смирению. Если отправлюсь въ Петербургъ, то возьму съ собою запасъ терпѣнія, уничиженія, нищеты духа. Хотѣлъ бы я спросить у васъ о многомъ: на примѣръ, представлялись ли вы Государю? подали ли ваши любопытныя сочиненія и проч? — Простите, любезнѣйшій. Цѣлую ручку у почтен-

нѣйшей Анны Петровны, отъ всей души обнимаю васъ и милую Катеньку. Катерина Андреевна вамъ дружески кланяется. Будьте благополучны. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

6.

Царское село, четвергъ, 25-го мая 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! мы пріѣхали благополучно, въ среду, около вечера и поселились въ Императорскомъ домикѣ, весьма изрядно меблированномъ; еще никого не видали, кромѣ Графа Ожаровскаго; а завтра отправлюсь въ Павловскъ, къ Императрицѣ. Государь долженъ быть здѣсь въ субботу, тогда доложить ему обо мнѣ. Онъ часто бываетъ въ Царскомъ селѣ, а въ половинѣ іюня совсѣмъ сюда переѣдетъ. — Жду Тургенева. Ящики уже получены мною, объ остальныхъ буду писать къ вамъ. Намъ ни весело, ни скучно: мы вмѣстѣ, какъ въ Москвѣ. Любимъ васъ всею душою и знаемъ вашу къ намъ любовь, которую вы безъ сомнѣнія сохраните. Мы умѣемъ цѣнить ее. Обнимаю васъ нѣжно и цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Будьте всѣ трое здоровы. Мысль о вашей милой дружбѣ не покидаетъ насъ. Простите, любезнѣйшіе. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

(Принписано рукою, вѣроятно, Екатер. Андр. Карамзиной.)

Душевно васъ благодарю, любезнѣйшая и почтеннѣйшая Анна Петровна, за всѣ ваши милыя ласки, намъ оказанныя.

Очень грустно, что не могу лично пользоваться вашею пріязнію еще нѣсколько времени можетъ быть. Прошу васъ любить и помнить ту, которая искренно привязана къ вашему любезному семейству. Алексѣю Ѳедоровичу мой дружескій поклонъ, Катю цѣлую.

7.

Царское село, 8-го іюня 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! на другой день нашего сюда пріѣзда, я писалъ къ вамъ: вижу, что и вы объ насъ помните. Я съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣлъ здѣсь любезнаго Павла Ѳедоровича (10) и вашихъ добрыхъ племянниковъ и племянницъ. Теперь скажу вамъ только два слова: — тороплюсь ѣхать въ городъ. Императоръ принялъ меня милостиво, также и обѣ Императрицы; но еще не знаю, останусь ли здѣсь для печатанія своей исторіи: слѣдственно и ящики мои не должны еще трогаться изъ Архива. Третьяго дни у меня занемогла-было Катерина Андр., теперь, слава Богу, ей лучше. Малютки здоровы. Гуляемъ въ прекрасномъ саду и воспоминаемъ Москву, къ которой привязываютъ насъ милые, и живые и мертвые. Вы и Анна Петровна живете у насъ и въ сердцѣ и въ мысляхъ. Не многіе люди столько доказывали намъ свою ласковую дружбу. — Будьте здоровы и благополучны. Обнимаемъ васъ троихъ со всею дружескою нѣжностію. — На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Канцлера видѣлъ я на минуту; надѣюсь еще видѣть и не забуду вашего порученія.

8.

Царское село, 4-го іюля 1816 г.

Давно не слышу объ васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! Знаю только, что вы въ деревнѣ: слѣдственно наслаждаетесь тишиною и природою. Мы, слава Богу! здоровы: говорю о женѣ и дѣтяхъ; а я не совсѣмъ. Доселѣ живемъ единообразно, бываемъ въ Павловскѣ у милостивой Императрицы, видимъ иногда и Государя милостиваго, гуляемъ въ саду, изрѣдка обѣдаемъ съ пріятелями, пишу кое-какъ, и проч. Москва у меня въ сердцѣ; я доволенъ здѣшнимъ пребываніемъ, по помышляю возвратиться, и рѣшительно, въ половинѣ или исходѣ августа. Кажется, что мнѣ лучше провести остатокъ жизни тамъ же, гдѣ я провелъ молодость, въ любви семейственной и дружеской. Жду извѣстія отъ Селівановскаго (11) и не получаю. Здоровъ ли опъ? мнѣ хотѣлось бы знать навѣрное о печатаніи у него моей Исторіи. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, нѣжно васъ обнимаю. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

9.

Царское село, 2-го августа 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! судьба наша рѣшилась тѣмъ, что мы должны остаться въ Петербургѣ года на два, слѣдственно почти на всю жизнь по моимъ лѣтамъ и здо-

ровью, если не ошибаюсь. Государь безъ моей просьбы велѣлъ печатать Исторію мою въ военной Типографіи, желая тѣмъ изъяснить къ намъ милость! отказаться невозможно, хотя, кромѣ всего прочаго, самая Исторія будетъ тамъ напечатана весьма некрасиво. Не могу изобразить вамъ, какъ мнѣ бываетъ тяжело и грустно. Чувствую, что я не созданъ для здѣшней жизни, и что мнѣ оставалось бы только доживать вѣкъ свой въ уединеніи, съ вами, моими немногими друзьями Московскими. Можетъ быть я сдѣлалъ ошибку: да будетъ воля Божія! хотѣлось бы поговорить съ вами: обо всемъ не напишешь. Прошу васъ, моего любезнѣйшаго, немедленно отправить ко мнѣ въ Царское село остальные ящики мои съ книгами, числомъ три кажется; имѣю въ нихъ нужду. Я былъ увѣренъ, что уже благодарилъ васъ за весьма любопытныя для меня бумаги о Сибирскомъ Кучумѣ: и впредь одоужайте меня такимъ образомъ. Это будетъ однимъ изъ доказательствъ вашей безцѣнной ко мнѣ дружбы. Здѣсь мы какъ сироты... По крайней мѣрѣ скажу вамъ нѣчто о нашей жизни. Дворъ очень милостивъ къ исторіографу и жонѣ его. Мы два раза обѣдали у Государя; вчера звали насъ и въ третій разъ, но я былъ въ Петербургѣ; въ Павловскѣ бываемъ часто, раза два въ недѣлю; обѣдаемъ, иногда и ужинаемъ. Между тѣмъ хлопочу о печатаніи, поправляю ноты, нанимаю домъ — и на нялъ близъ Литейнаго двора, на Захарьевской улицѣ за 4000 руб. въ годъ. — Нева въ 100 саженьяхъ, не далека и Таврическій садъ; дворъ хорошъ и съ садикомъ; всего довольно, и сараевъ и амбаровъ; комнаты весьма недурны, только безъ мебели, на которыя надобно еще издержать тысячи двѣ, если не болѣе. А наши доходы? указываю на манускриптъ свой и винюсь въ сходствѣ съ дѣвкою молошницею, которая несетъ на головѣ кринку и мечтаетъ о богатствѣ. — Вы, думаю, уже въ городѣ и ждете Государя, который выѣзжаетъ 11-го августа и будетъ у васъ 14-го. Будьте, любезнѣйшіе, здоровы и не забывайте насъ бѣдныхъ. Мы достойны вашей дружбы

истинною къ вамъ любовію. Думаемъ пробить въ Царскомъ селѣ до сентября.—Богъ съ вами и съ нами! цѣлую ручку у милой Анны Петровны и Катеньки, а васъ сто разъ обнимаю, не словомъ, а чувствомъ.—На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

10.

Царское село, 1-го сентября 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! я не очень здоровъ, однакожь хочу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Въ отвѣтъ на мое письмо вы прислали ко мнѣ книги, но не сказали ни слова, и это беспокоитъ меня. Здоровы ли вы? У меня сдѣлалась на ногѣ рожа и маленькая лихорадка, можетъ быть отъ здѣшняго климата. Какъ вы провели время Государева пребыванія въ Москвѣ? безъ сомнѣнія видѣлись съ Графомъ Каподистріа. У насъ нѣсколько разъ былъ объ васъ разговоръ. Я не перемѣнилъ мнѣнія объ этомъ умномъ человѣкѣ, который отдаетъ вамъ справедливость. Теперь болѣе не могу писать; жаръ въ головѣ. Мы увѣрены въ вашей дружбѣ, не легко любить васъ болѣе того, какъ мы васъ любимъ. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, обнимаю васъ и милую Катеньку. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

11.

С.-Петербургъ, 12-го октября 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! давно я не писалъ къ вамъ, и не для того, чтобы отмстить за ваше долговремен-

ное молчаніе, заглаженное тремя любезными письмами! виною одно мое худое расположеніе съ того времени, какъ мы сюда переѣхали: хлопоты хозяйственныя, корректуры, визиты, etc. Грустно думать, что все это продолжится около двухъ лѣтъ, если буду живъ, и если не случится чего чрезвычайнаго. Москва! Москва! издали смотрю на васъ съ умиленіемъ! однакожь умѣю быть и твердымъ.—Въ отвѣтъ на одно мѣсто вашего письма скажу, что московскія догадки и соображенія, по моему мнѣнію, несправедливы. Слѣдствія новаго Эстляндскаго устава о крестьянахъ развѣ *впредь* окажутся благотельными; тогда, а не прежде совѣтую вамъ говорить объ этомъ способѣ для соглашенія выгоды крестьянъ и дворянства. Будемъ молиться Богу: Онъ все устроитъ къ лучшему.—Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій, за подробныя вѣсти о пребываніи добраго Государя въ Москвѣ: я все это читалъ съ истиннымъ удовольствіемъ; онъ будетъ здѣсь черезъ три дня; но я не надѣюсь скоро увидѣть его.—Всего чаще вижусь съ Канцлеромъ (12), и говорю съ нимъ объ васъ, также и съ Графомъ Серг. Петр. (13). Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Не перестану твердить вамъ, что мы любимъ васъ всею душою, мужъ и жена, какъ истинныхъ нашихъ друзей. Сдѣлайте одолженіе, прикажите вынуть изъ моего сундука двѣ рукописн. книги: старую Русск. ариѣметику въ четвертку и книгу о *сошномъ письмѣ* въ листъ, на которыхъ стоитъ имя *Баузе* (14), и пришлите ко мнѣ. Нѣжно обнимаю васъ. Богъ съ вами и съ нами. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

С.-Петербургъ, 6-го ноября 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! сердечно благодарю какъ за дружеское письмо, такъ и за любопытныя для меня бумаги. Возвращаю ярлыки съ замѣчаніями. Первые три изъ печатныхъ грамотъ находятся въ Волынской лѣтописи. Печать хороша. На стр. 1 должно раздѣлить слово *атьдаютъ*; надобно: *ать даютъ*—«чтобы давали.» Въ Едигеевомъ письмѣ поправьте ошибку важную; вмѣсто: и гостей держали безъ истомы и безъ «соды,» надобно читать: безъ «собиды.» Такъ во всѣхъ спискахъ. Надѣюсь и впередъ на вашу дружбу: что найдете любопытнаго, доставьте мнѣ. Описаніе характера Черкасской Маріи Темрюк. было мнѣ неизвѣстно.

Я дня четыре нездоровъ; сижу дома, беспокоюсь объ Андрюшѣ нездоровомъ и несвѣтлыми глазами смотрю на Петербургъ.

Печатаніе Исторіи и худо и медленно; посылаю вамъ образчикъ. Думаю II т. печатать въ Медици. типографіи для скорости, чтобы не зажитья въ С.-Петербургѣ, если будемъ живы. Государя не вижу: у вдов. Императрицы разъ обѣдалъ, разъ былъ въ комнатномъ спектаклѣ и ужиналъ. Могу ѣздить ко многимъ, но не хочется. Сижу дома, а писать не имѣю времени. Это умножаетъ мою грусть. Будемъ ли опять дружески бесѣдовать съ вами, какъ бывало, любезнѣйшіе? не хотѣлось бы здѣсь умереть; два раза видѣлъ я вашего достойнаго брата и друга, Павла Ѳедоровича: мы провели вмѣстѣ часовъ шесть, и вы были почти съ нами.—Книга о сошномъ письмѣ должна быть въ моемъ сундукѣ,

въ бумажномъ переплетѣ, въ листъ, не толстая, съ надписью: *Баузе*. Титула нѣтъ, сколько помнится мнѣ.

Простите, друзья почтенные, не раздѣляю васъ въ моемъ чувствѣ; а въ насъ мужа и жену не раздѣляйте. Цѣлуемъ вашу милую Катеньку. Какъ щастливо, что вы довольны учительницею! мы никого не имѣемъ для дѣтей, и едва ли имѣть можемъ по своимъ обстоятельствамъ. Будьте благополучны. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

13.

31-го декабря 1816 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ!

На порогъ новаго года поздравляю васъ и почтеннѣйшую Анну Петровну съ его прибытіемъ на земной шаръ. Будьте здоровы, спокойны, щастливы и веселитесь милою Катенькою!

Мы, слава Богу! живы, но часто бываемъ нездоровы. Теперь очень тревожитъ насъ Катенька своимъ злымъ кашлемъ: отъ чего она мало и спитъ и ѣстъ. Боюсь говорить о своихъ чувствахъ. Удовольствія работы меня оставили. Читаю корректуры; однакожь читаю и книги для поддержанія души. Какъ трудно сказать: *да будетъ воля Божія!* Между тѣмъ не жалуясь на Петербургъ. Сколько тосковалъ я и въ Москвѣ любезной! вижу иногда людей пріятныхъ. Заглядываю во дворецъ, чтобы поздравлять вдовствующую Императрицу съ праздниками или обѣдать у нея разъ въ три недѣли. Такъ было до сего дня. Не ищу никакихъ связей: даже кажусь неучтивцемъ. Но, воля ихъ, не могу соблюдать всѣхъ пристойностей свѣтскихъ.

Если можно, то прошу васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ, оставить у меня *описаніе междоцарствія*. Можетъ быть я еще буду продолжать Исторію до Романовыхъ. Но если эта піеса вамъ необходимо нужна, то я перепишу ее для себя.

Обнимаю васъ отъ души и цѣлую ручку у любезнѣйшей Анны Петровны; Катерина Андр. вмѣстѣ со мною поздравляетъ и любитъ васъ, вмѣстѣ также обнимаетъ милую вашу Катеньку. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вапгъ

Н. Карамзинъ.

Недавно видѣлся я съ добрымъ, любезнѣйшимъ Павломъ Ѳеодоровичемъ. Онъ достойный братъ вашъ.

Государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсіи и перстень съ шифромъ.

К. А. П. Оболенскій кураторъ Моск. Универ. (15).

(Приписано рукою Екат. Андр. Карамзиной.)

Поздравляю васъ отъ всего сердца, любезнѣйшая Анна Петровна, съ новымъ годомъ; дай Боже продолженія и еще умноженія для васъ всѣхъ благъ здѣшняго міра. Алексѣю Ѳеодоровичу дружески кланяюсь, а милую Катю и васъ отъ души обнимаю.

14.

С.-Петербургъ, 27-го января 1817 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Уже дней десять опять сижу дома отъ простуды. Графъ Каподистріа (16) также нездоровъ. Мнѣ хотѣлось погово-

рить съ нимъ прежде, нежели писать къ вамъ; но мнѣ стало грустно, что я уже такъ давно не бесѣдовалъ съ вами. Скажу что знаю: Графъ при официальномъ письмѣ сообщилъ мнѣ вашу рукопись: я, съ величайшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ прочитавъ ее, написалъ къ нему, какъ умѣлъ. Онъ хотѣлъ немедленно поднести Государю, но скоро занемогъ. Ручаюсь вамъ за его доброе расположеніе, и надѣюсь, что оно не останется безплодно, если этотъ достойный человѣкъ по слабости своего здоровья не отклонится отъ дѣлъ, не смотря на отличное къ нему благоволеніе Императора.

Я терпѣливо сношу свои частыя простуды и припадки меланхолическіе. Катенька перестала кашлять, но за то въ лихорадкѣ: что меня также весьма беспокоитъ. Печатаніе идетъ медленно; едва ли все кончится къ будущему январю. Дворъ уѣдетъ въ Москву, а мы должны остаться при корректурахъ... Хорошо, если бы въ теченіе 1818 года Богъ далъ мнѣ съ женою и дѣтьми угощать васъ, любезныхъ, въ нашемъ Московскомъ домикѣ! отдаюсь во власть Божию.

Жена моя выѣхала, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Цѣлую ручку у любезнѣйшей Анны Петровны, обнимаю васъ и милую Катеньку, будьте здоровы и любите преданнаго вамъ

Н. Карамзина.

Здѣсь нѣтъ морозовъ; за то есть гриппъ. Зима странная.

15.

С.-Петербургъ, 12-го февраля 1817 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ!

На сихъ дняхъ я видѣлся съ Графомъ Каподистріа. Вотъ слова его: «подамъ манускриптъ Государю, когда найду

благопріятную минуту?»—Не сомнѣваюсь въ его добромъ расположеніи, и знаю, что онъ хочетъ для васъ сдѣлать, если не теперь, то въ другое время при удобномъ случаѣ, на прим. въ Москвѣ. Свиданія мои съ нимъ бывають рѣдки, онъ посѣщаетъ насъ не часто: былъ только раза три въ зиму; а я обѣдалъ у него однажды. Здѣшніе занятые люди не легки на пріемъ, хотя имѣю всѣ причины быть доволенъ Графомъ, умнымъ, благороднымъ человѣкомъ.

Смерть Графа А. И. Пушкина (17) насъ очень тронула, Бѣдная Графиня! (18) Двадцать лѣтъ онъ изъявлялъ намъ пріязнь.

Дворъ собирается въ Москву къ осени. Мы останемся здѣсь въ тишинѣ. Печатаніе Исторіи едвали кончится и къ 1818 году. Хорошо, если выѣду отсюда съ глазами и съ благодарностію къ Богу.

Гриппъ посѣтилъ и нашъ домъ: меня, слабую Катеньку и Андрюшу. Лѣнь моя на выѣзды продолжается. Кажется, я старѣюсь! Люблю иногда поговорить съ умнымъ человѣкомъ, но желаніе правиться ослабѣло во мнѣ.

Я слушалъ вчера обѣдню у к. Голицына (19) вмѣстѣ съ вашимъ любезнымъ Павломъ Ѳедоровичемъ.

Простите, любезнѣйшій, цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, которой, и вамъ, жена моя дружески кланяется. Будьте здоровы съ милою дочкою. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

16.

С.-Петербургъ, 6-го мая 1817 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! такъ давно я не бесѣдовалъ съ вами! виниться ли? извиняться ли? нѣсколько разъ

я былъ нездоровъ; а на Святой и Троицкой недѣлѣ даже очень страдалъ. Но сердце мое не переставало заниматься Московскими друзьями. Разсѣянія не знаю: знаю только корректуры, весьма утомительныя и для глазъ и для вниманія. Надѣюсь, что ваши глаза уже служатъ вамъ по прежнему; мои еще не отказываются. Въ здѣшнемъ свѣтѣ худо безъ зрѣнія и слуха. Потому нашъ добрый Канцлеръ приводилъ меня въ большую грусть. Глухота его теперь сносите; однакожъ не безъ труда, думаю, вы бесѣдуете съ нимъ о грамотахъ и древностяхъ. Онъ всегда говорилъ объ васъ съ чувствомъ отмѣннаго уваженія и любви. Что вамъ сказать о нашемъ умномъ, любезномъ Графѣ Каподистріа? манускриптъ вашъ все еще не поданъ Государю. *J'attends un moment favorable; je sais ce qu'il faut à Mr. Malinowsky*: вотъ отвѣтъ! на сихъ дняхъ онъ, т. е. Графъ, долженъ обѣдать у насъ: поговоримъ опять; кажется, что ему не ѣхать къ водамъ, а ѣхать въ Москву, гдѣ, какъ надѣюсь, вы будете имъ довольны. Онъ хотѣлъ писать къ вамъ въ отвѣтъ на ваше письмо.

Беременность Катерины Андреевны и печатаніе моей Исторіи уменьшаютъ для меня пріятность Царскосельскаго житья-бытья, о которомъ теперь помышляемъ. Еще не знаю, гдѣ родить женѣ, тамъ или здѣсь; если здѣсь, то къ зимѣ надобно возвратиться въ городъ. Доставленіе корректуръ также будетъ затруднительно; а мнѣ хотѣлось бы скорѣе кончить дѣло, хотя не думаю о возвращеніи въ Москву прежде будущей весны. Какъ еще далеко это время! и доживемъ ли? Не безъ грусти смотрю на взятые мною изъ Архива матеріалы: я до нихъ не дотрогиваюсь! забываю писать; но дѣлать нечего. Лучше все напечатать, пока я живъ; а тамъ какъ Богу угодно!

Давно не видался я съ любезнымъ Павломъ Федоровичемъ къ моему сердечному сожалѣнію. Оба мы привязаны къ дому.

Надѣюсь, что предсказаніе лѣтописца объ ужасахъ нынѣшняго года окажется ложнымъ. Не одни Русскіе боялись Пасхи

25-го марта (20): это суевѣріе извѣстно и въ другихъ земляхъ. Мы, бѣдные люди, живемъ страхомъ.

Лучше будемъ жить надеждою и любовію: надеждою на Бога и любовію къ своимъ ближнимъ, къ семейству и къ друзьямъ. Обнимаю васъ нѣжно, цѣлуя ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Жена моя, вмѣстѣ со мною, увѣряютъ васъ обоихъ въ своей искреннѣйшей привязанности. Цѣлуемъ милую Катеньку.

Мы также приняли къ себѣ для дочерей молодую иностранку и очень довольны ею до сего времени. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

17

Царское село, 6-го іюня 1817 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! знаю, что вы, слава Богу! здоровы и показываете нашему Канцлеру достопамятности Московскія: онъ не можетъ нахвалиться вами. Мы же, кое-какъ проживъ зиму въ городѣ, переѣхали въ Царское село, гдѣ ведемъ жизнь довольно пріятную, за исключеніемъ тѣхъ дней, въ которые беспокоимся о здоровьѣ дѣтей. Катенька испугала насъ своею болѣзнію; теперь ей лучше. Занимаюсь и здѣсь чтеніемъ корректуръ; болѣе ничего не дѣлаю. Бываемъ въ Павловскѣ; имѣли щастіе обѣдать у нашего Августѣйшаго хозяина. Катерина Андр. становится тяжела. Мы рѣшились остаться здѣсь до ея родинъ. Жду этой минуты съ надеждою и страхомъ. Я былъ на экзаменахъ лицей (21): вашъ племянникъ (22) отличается отъ другихъ. Послѣ завтра имъ выпускъ. Графъ Каподистріа ѣдетъ къ во-

дамъ до сентября; будетъ въ Москвѣ и, вѣроятно, докажетъ вамъ свое доброе расположеніе. До того времени не вините его въ мысляхъ. Вижусь съ нимъ рѣдко, но за-просто. Онъ душою высокъ передъ другими. Государь справедливо отличаетъ его. Впрочемъ какъ съ нимъ, такъ и съ другими не имѣю тѣсной связи. Живу *особнякомъ* съ женою, съ дѣтьми и съ типографіями. *Не есмь отъ міра сего*, хотя и смѣюсь надъ святошами новыми: смѣюсь про себя, разумѣется (23). Когда же возвращусь къ вамъ? часто мысли мои бываютъ въ Москвѣ. Сохраните всю старую къ намъ любовь. Князь Петръ (24) обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ; теперь онъ гоститъ въ Петербургѣ и ликуетъ съ Арзамасцами (25). Дайте намъ о себѣ вѣсть, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ. Дружеское слово пріятно сердцу. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой вашей дочки. Жена моя увѣряетъ васъ обоихъ въ своей искреннѣйшей привязанности. Простите, будьте здоровы и благополучны. Обнимаю васъ отъ души и сердца. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Надписывайте ко мнѣ письма въ Петербургъ.

18.

Царское село, іюля 3-го 1817 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! вы повѣрите, что мы беремъ самое живѣйшее участіе въ вашемъ сердечномъ безпокойствѣ. Дай Богъ, чтобы оно уже миновалось совершеннымъ выздоровленіемъ милой Катеньки. Съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ этого утѣшительнаго извѣстія. Коклюшъ

обыкновенно продолжается 6 недѣль; всего лучше переменить воздухъ, т. е. выѣхать изъ Москвы въ деревню. Мы знаемъ это по опыту. Напишите къ намъ хотя строку; отъ полного и чистаго сердца скажемъ: *слава Богу!* узнавъ, что вы отдыхаете послѣ такой муки. — Я всякій день жду разрѣшенія: жена едва ходитъ; однакожь еще таскается со мною по саду *уединенному*, потому что дворъ и всѣ жильцы здѣшніе празднуютъ свадьбу въ городѣ (26). Я не могъ оставить жены; да и не мое дѣло быть въ толпѣ блестящей. Издали радуюсь и желаю добра Августѣйшимъ. Увы! еще болѣе шести мѣсяцевъ намъ должно кочевать на болотахъ. Не рѣшусь зимою ѣхать съ малютками, если будутъ живы. Хорошо, если бы странствованіи наше заключилось покункою дома въ Москвѣ на свои деньги. Предвижу еще не мало хлопотъ и тревоги. Впрочемъ главное то, чтобы мы возвратились къ вамъ цѣлые и къ цѣлымъ.

Не осуждаю васъ, любезнѣйшій, за досаду на графа К; надеюсь только, что вы помиритесь съ нимъ въ душѣ, когда увидите его въ Москвѣ. Онъ возвратится сюда къ сентябрю.

Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Любимъ васъ всѣмъ сердцемъ, мужъ и жена. Обрадуйте насъ скорѣе доброю вѣстію о вашемъ спокойствіи. Цѣлуемъ вашу миленькую Катеньку, уже здоровую, какъ надѣемся. Богъ съ вами и съ нами. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

19.

С.-Петербургъ, 26-го сентября 1817 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! давно я не писалъ къ вамъ, но мыслями и чувствами былъ съ вами. Типографскія мои хлопоты безпрестанно умножаются. Еще мѣсяца три!

Дворъ у васъ: я исполненъ къ нему любви и признательности. Мы разстались хорошо. Судьба моя, какъ и всѣхъ, зависитъ отъ Бога. Въ виду у меня Москва.

Имѣю *всѣ* причины надѣяться, что добрый, умный Графъ К. докажетъ вамъ свое уваженіе блестящимъ знакомъ Царскаго благоволенія. Императрица Марія Ѳеод. сказала мнѣ, что непременно будетъ у васъ въ Архивѣ. Не заглянетъ ли и Государь?

Мы, слава Богу! здоровы. Скажите намъ о себѣ также; скажите то и другое, но все хорошее. Смѣю назвать себя достойнымъ вашей дружбы; совѣсть меня ничѣмъ не упрекаетъ въ отношеніи къ вамъ, любезнѣйшимъ.

Надѣюсь, что ваша милая Екатерина только что радуется васъ, и что вы уже не кашляете.

Съ нѣжностію цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, я и жена моя равно васъ любимъ.

Пока простите. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Мы побесѣдовали о васъ съ Гр. Сергѣемъ Петровичемъ. Канцлера ждемъ.

20.

С.-Петербургъ, 29-го ноября 1817 г.

Здравствуйте, любезнѣйшій нашъ Алексѣй Ѳеодоровичъ! сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, и радуюсь, что вы, слава Богу! здоровы съ вашими милыми. Вы у насъ всегда въ сердцѣ и часто на языкѣ и въ пріятельскихъ разговорахъ. О вашихъ хлопотахъ не жалѣю: надѣюсь, что онѣ будутъ полезны и для насъ и для васъ. Не забудьте прислать

ко мнѣ біографію Пожарскаго (27), интересную для меня во всѣхъ отношеніяхъ. Порадуйте меня также извѣстіемъ объ Августѣйшихъ посѣтителяхъ. Между тѣмъ прошу васъ, любезнѣйшій, сказать ласковое слово отъ меня и жены моей умному, доброму Графу Каподистріа; мы любимъ его искренно. Спасибо вамъ за дружескую попечительность о подпискѣ на мою Исторію. Я уже писалъ о томъ къ К. Я. Булгакову (28.) Не знаю, для чего Московскіе жители затруднялись мыслию о вѣсовыхъ деньгахъ, которыхъ теперь съ нихъ не требуютъ, и которыя они заплатятъ уже при полученіи книги, тому, кто принесетъ ее имъ съ почты: *рубля три*, не болѣе. Всякій, кто пошлетъ 55 р. въ здѣшнюю газетную экспедицію, получитъ Исторію. Однакожь я прошу Константина Яковлевича принимать подписку и въ Московскомъ Почтамтѣ, чтобы не было уже никакого недоумѣнія. Авось, къ новому году отдѣлаюсь.

Дѣти наши не совсѣмъ здоровы; но не гнѣвимъ Бога жалобами. Живемъ тихо, думая о возвращеніи въ Москву къ осени. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой Катеньки. Жена моя не отстаетъ отъ меня въ дружбѣ къ вамъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Мы огорчились, узнавъ, что вы должны были разстаться съ гувернанткою. Какъ затруднителенъ выборъ!

Требую дружескаго подарка: штофа бѣлой водки, въ которой иногда желудокъ мой имѣетъ нужду. Если найдете случай, или черезъ почту, то одолжите меня.

21.

С.-Петербургъ, 24-го декабря 1817 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! Съ сердечною радо-

стію обнимаю и поздравляю васъ со всѣми знаками Императорскаго къ вамъ благоволенія. Нѣтъ нужды много говорить о живѣйшемъ нашемъ участіи. Я узналъ ввечеру, а на другой день занемогъ, и отъ того пропустилъ почту. Добрый, умный Графъ Каподистріа безъ сомнѣнія доказалъ вамъ, сколь онъ умѣетъ чувствовать достоинства и заслуги. Vivat! Какъ ваши сослуживцы должны быть довольны! и это весело. За Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадаетъ. Искренно любя нашего Монарха, радуюсь искренно, когда онъ воздаетъ достойное достойному. Съ нѣжностію цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Будьте только здоровы: прочее все хорошо. Я не со всѣмъ здоровъ. Крѣпко старѣюсь. И Катерина Андр. не много беспокоитъ меня: у нея болитъ нога. Впрочемъ все еще благодаримъ Бога и не жалуемся. Слушаемъ веселый крикъ дѣтей, и смотримъ на нихъ съ умиленіемъ. — Благодарю васъ, любезнѣйшій, за бѣлую водку; ее станетъ мнѣ до возвращенія въ Москву, если Богъ велитъ намъ къ вамъ возвратиться въ августъ, какъ располагаемъ. Катерина Андр. раздѣляетъ всѣ мои чувства къ вамъ *тремъ*. Наши поздравленія, удовольствіе и любовь общія. Простите; холодъ не позволяетъ мнѣ идти въ холсдную комнату за разрядною Архивскою книгою, чтобы выписывать изъ нея о службѣ Кушниковыхъ; въ первомъ письмѣ доставлю вамъ эту выписку. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Напомните Графу Каподистріа о Карамзиныхъ и скажите, что они преисполнены къ нему любви и почтенія. Напомните объ нихъ и другому любезному Графу: П. А. Толстому.

22.

С.-Петербургъ, 12-го февраля 1818 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! благодарю васъ за подарокъ. На что вы подписались на мою Исторію? я отправилъ къ вамъ экземпляръ черезъ К. А. Рябинину; а если уже имѣете свой, то можете отдать полученный отъ меня въ Архивъ; для надписи же самъ приѣду въ Москву. Всѣ экземпляры біографіи Пожарскаго розданы мною любопытнымъ, которыхъ здѣсь много; всѣ читающіе читали ее съ удовольствіемъ, какъ вижу и слышу. Вамъ остается быть только здоровымъ; за остальное безъ сомнѣнія благодарите Бога. Бумаги Кенигсбергскія у меня; лежатъ бесполезно; доставлю ихъ въ Архивъ или отдамъ Осипу Петровичу (29). Живемъ тихо и благодаримъ Бога; а къ августу въ Москву, къ вамъ, нашимъ старымъ друзьямъ. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, а васъ обнимаю вмѣстѣ съ милою Катенькою. Жена моя увѣряетъ васъ въ своей душевной привязанности. Будьте всѣ трое здоровы и любите преданнаго вамъ

Н. Карамзина.

23.

С.-Петербургъ, 27-го февраля 1818 г.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! и радуюсь, что вы, слава Богу! всѣ здоровы. Мы также имѣемъ причину благодарить Бога.

Не жалуясь на хлопоты книжной продажи: авось, буду свободенъ къ апрѣлю; а до того времени едва ли возьмусь за перо для продолженія Исторіи. Прежде типографщики, а нынѣ переплетчики заботятъ празднаго исторіографа. Ждемъ лѣта, чтобы собираться въ Москву. Не имѣете ли въ виду дома, который бы мы могли нанять, около половины іюля, тысячи за три или поболѣе? Это будетъ для насъ важнымъ дѣломъ. Письмо ваше А. А. Плещееву (30) отдано: онъ живетъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ подъ № 207; самъ будетъ писать къ вамъ и хочетъ, кажется, заплатить этотъ долгъ по совѣсти. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны; а жена моя увѣряетъ васъ обоихъ въ своей сердечной привязанности. Будьте здоровы вмѣстѣ съ милою Катенькою и любите всегда преданнаго вамъ

Н. Карамзина.

Р. S. 27-го февраля сбылъ я съ рукъ *послѣдніе* экземпляры моей Исторіи, и дня черезъ два буду свободенъ отъ книжныхъ хлопотъ. Это у насъ дѣло безпримѣрное: въ 25 дней продано 3,000 экз.

24.

С.-Петербургъ, 25-го марта 1818 г.

Здравствуйте, любезнѣйшій нашъ Алексѣй Ѳедоровичъ! вы читаете мою Исторію: сдѣлайте дружеское одолженіе, сообщите мнѣ нѣкоторыя замѣчанія, которыми могу воспользоваться для втораго изданія. Первое уже разошлось: по крайней мѣрѣ у меня не осталось ни одного экземпляра, кромѣ трехъ непроданныхъ. Развѣ изъ дефектовъ выбо-

рется чтонибудь. Но у васъ во всякомъ случаѣ будетъ экземпляръ.

Я снова принялся за девятый томъ: пишу ноты къ первой главѣ. Между тѣмъ не найдете ли еще чегонибудь о Царѣ Иванѣ Вас.? здѣсь удалось мнѣ отыскать нѣчто любопытное объ учрежденіи *Опричнины*, Русское, современное, офиціальное.

Мы здоровы, кромѣ Катеньки: у нея опять кашель. Живемъ тихо и не безъ пріятности. Одно то не совсѣмъ хорошо, что проживаемъ много денегъ: на примѣръ, въ 6 мѣсяцевъ болѣе двадцати тысячъ. Это самимъ намъ непонятно. Вѣроятно, что и Московская жизнь стала дороже. Скажите намъ объ этомъ слова два. Учители стоятъ намъ здѣсь рублей 500 въ мѣсяцъ.

Была ли вдов. Императрица въ Архивѣ? Вы ко мнѣ объ этомъ не писали. Еще вопросъ: скоро ли напечатается у васъ судебникъ В. К. Ивана Вас.; по крайней мѣрѣ не спрошу, любите ли вы насъ по старому, будучи въ этомъ увѣренъ.

Съ дружескою нѣжностію цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, обнимая васъ, и цѣлую вашу дочку. Катерина Андр. говоритъ вамъ одно со мною, какъ обыкновенно, т. е., что любить васъ обоихъ всею душою. Простите, любезнѣйшіе. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

25.

С.-Петербургъ, 13-го мая 1818 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! сердечно благодарю васъ и за дружеское письмо и за выписку изъ книги мѣст-

ничества: это все для меня любопытно. Я ненасытимъ: присылайте какъ можно болѣе. Теперь снова пишу. Надобно пользоваться временемъ, особенно изъ благодарности къ публикѣ, къ Государю. Мы радовались, что Архивъ такъ полюбила Императрица. Авось, заглянетъ къ вамъ и Государь. Вы пишете ко мнѣ о Лифляндскихъ бумагахъ: онѣ состоятъ въ двухъ маленькихъ тетрадяхъ, ничего не значать и не принадлежать къ полному собранію, мною вамъ доставленному. Не думаемъ покупать дома въ Москвѣ. Мы положили деньги въ ломбардъ, но съ тѣмъ, чтобы брать ихъ оттуда на житье; доходами не проживемъ. Я старѣюсь, а дѣти малы, по крайней мѣрѣ сыновья. Не худо на всякій случай имѣть запасъ денежный. Въ июнѣ начнутъ здѣсь снова печатать мою Исторію книгопродавцы Сленины, съ которыхъ взялъ я векселя на 5 лѣтъ, чтобы избавиться отъ мелочныхъ хлопотъ изданія. Хорошо, если бы къ тому времени вы, любезнѣйшій, сообщили мнѣ нѣкоторыя дружескія замѣчанія, которыми бы я могъ воспользоваться. Для васъ у меня есть экземпляръ Исторіи; вы, думаю, не имѣете теперь въ немъ нужды: самъ привезу его къ вамъ, если Богъ дастъ намъ возвратиться въ Москву благополучно. Думаемъ провести лѣто въ городѣ. Слышимъ стороною, что Государь велѣлъ изготовить для насъ домикъ въ Царскомъ селѣ; но Генералъ Захаржевскій (31), тамошній начальникъ, не даетъ намъ знать о томъ; слѣдственно и не можемъ ѣхать туда. Будемъ любоваться Невою и осмотримъ нѣкоторыя окрестности. Съѣздимъ въ Кронштадтъ, въ Ораніенбаумъ и проч. Благодаря Бога, мы и дѣти здоровы: одна Катенька не совсѣмъ; однакожь теперь гуляетъ въ саду. Дай Богъ, чтобы вы давали намъ хорошія вѣсти о себѣ. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Будьте всѣ трое здоровы; всѣхъ васъ и всѣ мы любимъ сердечно. Обнимаю васъ отъ души и сердца. На вѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ.*

26.

С.-Петербургъ, 17-го іюня 1818 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! у васъ теперь все затихло, какъ думаю. Вы должны съ удовольствіемъ вспоминать о пребываніи Двора въ Москвѣ: вамъ изъявили то уваженіе, котораго вы столь достойны. Вы короче узнали добрыхъ, любезныхъ Императрицъ, и сдѣлали добро вашимъ подчиненнымъ. Архивъ поднялся и долженъ благодарить васъ.

Теперь просьба: сдѣлайте одолженіе, на первой почтѣ, если можно, пришлите мнѣ 2-й № *Турецкихъ* дѣлъ: онъ мнѣ необходимъ; я не захватилъ его вмѣстѣ съ другими.

Наконецъ у насъ лѣто, и мы въ городѣ. Черезъ 2 недѣли начнутъ второе тисненіе Исторіи. Не сообщите ли мнѣ, любезнѣйшій, какихъ замѣчаній, хотя на одинъ 1-й томъ?

Мы, благодаря Бога, здоровы. Пишу опять прилежно. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Мы васъ всѣ и всѣхъ любимъ сердечно. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

27.

С.-Петербургъ, 20-го іюня 1818 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! я писалъ къ вамъ на прошедшей почтѣ, а теперь пишу для новой просьбы.

Г. Калайдовичъ (32) показывалъ В. А. Жуковскому одно мѣсто въ какой-то старой Синодальной рукописи, гдѣ упоминается о птицахъ *Изокахъ*: сдѣлайте милость, попросите отъ меня Г. Калайдовича, чтобы онъ выписалъ это мѣсто и черезъ васъ сообщилъ мнѣ, какъ можно скорѣе, съ объясненіемъ, что это за рукопись, и проч. Я увѣренъ, что вы не поскучаете моею коммиссіею. — На сей разъ не скажу ничего болѣе: спѣшимъ ѣхать на дачу. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, у любезнѣйшей Катеньки, а васъ обнимаю отъ всего сердца. Будьте здоровы и любите всегда вашего

Н. Карамзина.

28.

Царское село, 11-го іюля 1818 г.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, за два дружескихъ письма, за 2-й № Турецкихъ дѣлъ и за отмѣтки изъ реэстровъ Архивскихъ. Сдѣлайте одолженіе, доставьте мнѣ бумаги, отмѣченныя мною въ реэстрахъ крестами + +; для чего и возвращаю ихъ вамъ, какъ вы приказали. Какое литье называлось *бистромъ* или *бостромъ*? Прилагаю записку къ К. Ѳ. Калайдовичу; я еще не получилъ отъ него ни замѣчаній на 1-й томъ моей Исторіи, ни обѣщанной выписки изъ Шестоднева. — Теперь поговоримъ о другомъ.

Не огорчайтесь, любезнѣйшій, тѣмъ, что Г. Н не поднесъ вашей выписки: это произошло единственно отъ его боязливости и характера излишне осторожнаго. Ради Бога и дружбы, не думайте объ отставкѣ. Вы необходимы для Архива.

Государь это знаетъ, и вы можете всегда надѣяться на его милостивое къ вамъ расположеніе. Вы полезны и будете полезны; можете сдѣлать добро и своимъ и чужимъ. Кому же служить, если не вамъ?

Государево прибытіе возвратило намъ Царскосельское житіе. Еще въ апрѣлѣ Онъ вспомнилъ объ насъ и писалъ, что мы будемъ жить здѣсь въ прежнемъ домикѣ, по какое-то начальство отдало нашъ домикъ другому!! Государь пріѣзжаетъ въ Царское село, смотритъ на домикъ, кланяется дамѣ, посылаетъ ей плоды и къ изумленію своему узнаетъ, что тутъ живутъ не Карамзины, а Г. Фроловъ (33), съ своею супругою. Фроловъ въ 24 часа былъ высланъ въ другую квартиру; но мы между тѣмъ лишились двухъ мѣсяцевъ пріятной Царскосельской жизни. За то Государь не пожалѣлъ заплатить двухъ тысячъ рублей за наемъ дома для насъ въ Петергофѣ на два дня праздничка. Мнѣ жаль было казенныхъ денегъ; но милость Государева для меня драгоцѣннѣе двухъ тысячъ руб. Теперь живемъ въ тишинѣ. Императоръ смотритъ полки въ Петербургѣ, а Императрица вдовствующая ходитъ тамъ за больными. Великій князь выздоровѣлъ: за-немогла Великая княгиня. Король (34), услышавъ мое имя отъ Государя, сказалъ мнѣ комплиментъ; а въ Ораніенбаумѣ, передъ ужиномъ, нѣсколько минутъ говорилъ со мною о хорошемъ видѣ, и климатахъ, и проч. Милостивая вдов. Императрица рекомендовала меня наслѣд. Принцу (35); но я не слыхалъ отъ него привѣтствія.

Вы сами наслаждаетесь теперь тишиною, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе друзья наши! Благодаря Бога, мы здоровы. Мнѣ грустно сказать вамъ, что едва ли увидимся съ вами въ нынѣшнемъ году; то есть, едва ли второе изданіе Исторіи пуститъ меня въ Москву. Вотъ что привязываетъ насъ къ Петербургу; все другое есть тонкій волосокъ для пятидесятилѣтняго человѣка съ моимъ характеромъ.

Будьте здоровы, благополучны. Цѣлую ручку у почтен-

нѣйшей Анны Петровны и у милой Катеньки. Кѣмъ вы замѣнили ея бывшую надзирательницу? Жена моя увѣряетъ васъ обоихъ въ своей дружеской привязанности. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Надписывайте письма ко мнѣ въ Петербургъ.

29.

Царское село, 15-го августа 1818 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ и за дружескія замѣчанія на 1-й томъ, которыми я воспользуюсь, и за присылку любопытныхъ бумагъ, изъ которыхъ возвращу вамъ, что надобно. Скажите мнѣ ваше мнѣніе о *Романѣ*. До нынѣ продается у насъ въ питейныхъ домахъ *наливка* краснаго цвѣта, называемая симъ именемъ: думаю, что и въ старину называлось такъ наливка, а не вино виноградное. *Бостра* или *Бастра* не разумѣю: не то ли, что у поляковъ *Baster*, у нѣмцевъ *Bastardwein*?—Надѣюсь, что Г. Калайдовичъ исполнить свое обѣщаніе и пришлетъ мнѣ обѣщанное. Отъ старины обращаюсь къ настоящему.

Радуюсь сердечно, что вы, любезнѣйшіе, здоровы и спокойны. Беремъ живѣйшее участіе въ вашемъ семейственномъ утѣшеніи.—Веселитесь милою Катенькою: это главное щастіе для родительскаго сердца. Я уже почти не смѣю называть ее уменьшительнымъ именемъ, она вѣрно очень выросла. Не увидишь, какъ будетъ невѣста. И наши растутъ; и наша Катенька почти невѣста; только плоха здоровьемъ и часто насъ беспокоитъ. Впрочемъ надѣемся на милость Божию.

Мы живемъ пока, хотя и не въ шумномъ, но въ самомъ блестящемъ свѣтѣ, за то скоро останемся въ глубокомъ уединеніи. Черезъ 5 дней Дворъ уѣдетъ въ городъ, а тамъ и за границу. Нынѣшній день обѣдаемъ въ Павловскомъ: скажу Императрицѣ, что вы описали ея посѣщеніе Архива. Думаемъ остаться въ Царскомъ селѣ до послѣднихъ чиселъ сентября, если дозволитъ время. Въ городѣ мы перемѣнили квартиру: будемъ жить у К. О. Муравьевой (36), на Фонтанкѣ, у Аничкова моста.

Всѣмъ домою обнимаемъ васъ, любезнѣйшихъ. Съ дружескою нѣжностію цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Богъ съ вами и съ нами.

На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Вы порадовали меня, любезнѣйшій, обѣщаніемъ не думать болѣе объ отставкѣ, — это было бы величайшею несправедливостію съ вашей стороны. Государь милостиво цѣнитъ ваши достоинства, Императрицы также. На сихъ дняхъ Елисавета Алексѣевна мнѣ объ васъ говорила съ отмѣннымъ благоволеніемъ.

Надѣюсь, любезнѣйшій, что вы мнѣ дружески замѣтите нѣкоторыя слабыя мѣста и въ слѣдующихъ томахъ моей Исторіи.

30.

Царское село, 11-го сентября 1818 г.

Здравствуйте, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! Начинаю тѣмъ, что мы, слава Богу! здоровы, и по отбытіи Двора живемъ въ тихомъ уединеніи, которое имѣетъ свои пріятности.

Осень пока хороша. Гуляемъ въ прелестномъ саду Царско-сельскомъ, болѣе и болѣе украшаемомъ стараніями и вкусомъ Августѣйшаго хозяина. Милостивый Государь посѣтилъ насъ передъ своимъ отъѣздомъ и разговаривалъ съ нами не о погодѣ, но о предметахъ важныхъ. Все это еще усиливаетъ нашу къ нему привязанность. Думаемъ возвратиться въ городъ около 1-го октября. Писалъ ли я къ вамъ, что будемъ жить у К. Ѳ. Муравьевой, у Аничкова моста, на Фонтанкѣ? слѣдственно въ самомъ ближнемъ сосѣдствѣ съ любезнымъ Павломъ Ѳедоровичемъ. Платимъ 5,000.

Очень, очень благодарю васъ за всѣ присланныя бумаги. Возвращаю вамъ дѣло о ссылкѣ Воротынскаго. А приложенное отдайте Г. Строеву (37). Что Калайдовичъ? обѣщаль сообщить мнѣ свои замѣчанія на 1 т. Исторіи и выписку объ Изокѣ, но не сдержалъ слова. Въ лѣтописи, отысканной Г. Строевымъ въ Воскр. монастырѣ, нѣтъ ли чего особеннаго о царѣ Иванѣ Васильевичѣ? буде есть, то сдѣлайте милость, прикажите списать и доставьте мнѣ.

Знаю, что вы ѣздили въ Тульскую деревню; но воображеніе мое ищетъ васъ уже въ Москвѣ. Гдѣ бы вы ни были, мы васъ вездѣ равно любимъ.

Всѣмъ домомъ обнимаемъ васъ всѣхъ, а я въ особенности цѣлую руку у почтеннѣйшей Анны Петровны.

Вашъ Н. Карамзинъ.

Сію минуту получилъ ваше дружеское письмо и отъ Калайдовича; но прежняго его письма не получалъ. Благодарю васъ, любезнѣйшій, за печать, которою всего болѣе желаю печатать грамоты мои къ вамъ. Вотъ еще просьба: очень желаю имѣть краткое описаніе Святославова сборника и копію съ изображенія его княжескаго семейства.—Къ Калайдовичу буду писать. Богъ съ вами и съ нами!

С.-Петербургъ, 10-го октября 1818 г.

Какъ мы удивились, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, узнавъ, что вы были отъ насъ такъ близко! и какъ жалѣемъ, что судьба не дала намъ видѣться! Не дозволяемъ себѣ жаловаться и пенять вамъ: вы спѣшили возвратиться къ вашимъ милымъ и не знали, что мы еще жили тогда въ Царскомъ селѣ, слѣдственно были къ вамъ двадцатью верстами ближе. Такъ и быть, любите насъ и въ разлукѣ, какъ мы васъ любимъ. Четверть вѣка я отъ васъ не видалъ ничего, кромѣ доказательствъ искренней дружбы. Пока будемъ живы, вѣрно не перемѣнимся. Наконецъ мы въ городѣ, выѣхавъ не безъ сожалѣнія изъ пріятнаго Царскаго села, гдѣ три лѣта прошли для насъ съ благословеніемъ Божіимъ, такъ что даже и никто изъ людей нашихъ не былъ боленъ. Живемъ теперь въ дружескомъ домѣ, пріятно, просторно. Наконецъ имѣю большой кабинетъ: есть гдѣ писать; не знаю, будетъ ли что? Теперь еще не обжился. Въ недѣлю не успѣли ни сдѣлать ни пяти визитовъ. Нынѣшній день молились во дворцѣ за Императрицу М. Ѳ., а ввечеру большой балъ у Великаго Князя; впрочемъ располагаемъ жить уединенно; всякій день собираюсь идти къ любезному Павлу Ѳедоровичу, и все еще не выдаюсь съ нимъ. Грустно слышать мнѣ о худомъ здоровьѣ почтеннаго Графа Каподистріа; онъ въ Ахенѣ, но нездоровъ: воды не помогли, а повредили, кажется, его здоровью. Такихъ людей у насъ немного. Усердно благодарю васъ, любезнѣйшій, за все присланное; вопросъ: въ грамотахъ Азіятскихъ съ *Нишаномъ* всегда ли бываетъ нѣсколько словъ, писанныхъ золотомъ?—Будьте здоровы. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей

Анны Петровны и у милой Катеньки, а васъ обнимаю. Жена моя увѣряетъ васъ въ своей искреннѣйшей дружбѣ. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

С.-Петербургъ. 28-го ноября 1818 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, за дружескія примѣчанія и за грамоты съ нишаномъ (которыя возвращаю). 24-го ноября мы вспомнили вашу дорогую именинницу: будьте ею и вмѣстѣ съ нею счастливы! Говоримъ объ васъ со всѣми, съ кѣмъ говорить можемъ; а всего болѣе съ любезнымъ Павломъ Ѳедоровичемъ (котораго однакожь, къ сожалѣнію, рѣдко видимъ), съ Гр. Сер. Петр. и съ Канцлеромъ, хотя съ послѣднимъ весьма трудно говорить, такъ, что ѣзжу къ нему болѣе съ грустью, нежели съ удовольствіемъ. Онъ видитъ мое лицо, и только; надобно въ разговорѣ прибѣгать къ перу. Человѣкъ ко всему привыкаетъ! За то графъ Сергѣй Петровичъ бодрствуетъ и спорить, какъ обыкновенно. Второе изданіе Исторіи идетъ такъ медленно, что не скоро могу раздѣлаться съ Петербургомъ. Моя Катерина Андр. должна родить въ іюнѣ. Какъ еще далеко отъ меня любезная Москва! между тѣмъ старѣюсь крѣпко, но усердно благодарю Бога за всякой спокойный день. Брожу всякое утро пѣшкомъ; а тамъ читаю корректуры, описываю злодѣйства *Ивашки*, иногда часа на два выѣзжаю, и пью чай дома съ семействомъ или съ пріятелями. Домомъ, а особливо любезнѣйшею хозяйкою, не можемъ нахвалиться: она въ Петербургѣ едва ли не всѣхъ ближе къ нашему сердцу. Гр. Каподистріа здоровъ, сильно дѣй-

ствовалъ на конгресѣ и ѣдетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ свое отечество, чтобы отдохнуть и собраться съ силами для новой дѣятельности. Императора ждутъ къ Рождеству. Между тѣмъ все тихо и смирно; танцуютъ, etc. Обнимаю васъ отъ всего сердца и цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны; мужъ и жена преданы вамъ душею. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Прилагаю письмецо Г. Калайдовичу и Сибирскую лѣтопись, которую прикажите отдать П. М. Строеву, и за которую очень благодарю его.

33.

С.-Петербургъ, 10-го февраля 1819 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ за дружеское письмо. Вы угадали нашу искреннюю горестъ; мы любили Королеву (38), какъ немногіе любятъ Королевъ; знали умъ ея, прелести душевныя, и пользовались, смѣю сказать, ея пріязнію, болѣе нежели милостію. Еще недавно она писала ко мнѣ о своемъ щастіи!... Будемъ помнить ее до свиданія Вдовств. Императрица перемѣнилась въ лицѣ отъ печали. Я три раза былъ у нея: она говорила только о милой дочери. — Вы жалуетесь на холодность Москвы; и здѣсь танцуютъ, хотя безъ музыки, въ знакъ траура. Русскіе люди лѣнивы и для притворства. Они не дорожатъ маскою чувствительности, изобрѣтенною умомъ государственнымъ; что имъ велятъ, то дѣлаютъ, и болѣе ничего!

Мы, слава Богу! здоровы, хотя и не совершенно. Беременность жены не легка. Выѣзжаемъ рѣдко и не скучаемъ.

Князь Петръ явился и исчезъ. Какъ ни хотѣлось намъ пожить съ нимъ, но мы не могли его удерживать. Петербургъ весель не для тѣхъ, у кого жена и дѣти въ Варшавѣ.

На сихъ дняхъ мы поговорили съ любезнымъ Павломъ Ѳедоровичемъ. Сидимъ дома: онъ также—и хотя одна Фонтанка раздѣляетъ насъ, но видимся рѣдко. Не имѣю нужды повторять вамъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, что вы крайне одолжите меня, если найдете еще что нибудь о временахъ Царя Ив. Вас. Скоро ли выйдетъ II т. грамотъ? пришлите мнѣ его за деньги, буде можно, черезъ почту или черезъ кого нибудь. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой Катеньки. Всѣмъ домою обнимаемъ васъ, любезнѣйшихъ; будьте здоровы и благополучны; а насъ любите, какъ мы васъ любимъ. Графъ Сергѣй Петровичъ пока остается съ нами. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

34.

С.-Петербургъ, 7-го марта 1819 г.

Здравствуйте, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! уже давно ничего объ васъ не знаемъ. А мы благодаримъ Бога, хотя иногда и беспокоимся. Беременность жены моей очень не легка. Ожидаю весны и лѣта не безъ сердечной тревоги.

Вотъ запросъ: не возвратить ли вамъ часть статейныхъ списковъ, уже мнѣ не нужную, т. е. до 1573 года? или уже все вмѣстѣ? и вотъ просьба: пришлите мнѣ изъ портъ-фели Миллера его піесу о бракахъ Царя Ивана Васильевича, а изъ Архивскихъ книгъ Кояловича исторію Литвы, и изъ моихъ книгъ два или три тома in-folio Польскихъ историковъ: чѣмъ

меня одолжите. Жду также отъ васъ, за деньги, 2 тома грамотъ.

Второе изданіе моей Исторіи кончится не прежде декабря; слѣдственно не могу думать о возвращеніи въ Москву прежде той весны. Какъ еще долго! много утечетъ воды.

Мы живемъ пріятно у нашей любезнѣйшей Катерины Ѳедоровны. Съ нею намъ будетъ не легко разстаться.

На сей разъ простите, любезнѣйшіе. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой Катеньки, которую скоро надобно будетъ назвать Катериною Алексѣвною; а васъ сердечно обнимаю. Всѣмъ семействомъ мы къ вамъ привязаны на вѣки, и за всѣхъ подписываюсь вашимъ:

Н. Карамзинъ.

35.

С-Петербургъ, 4-го апрѣля 1819 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! сердечно поздравляю васъ и почтеннѣйшую Анну Петровну и милую Катеньку, съ наступающимъ свѣтлымъ Христіанскимъ праздникомъ: будьте вы здоровы, спокойны и веселы! Это искреннѣйшее желаніе мое, жены и дѣтей моихъ.

Намъ прискорбно было узнать о болѣзни Анны Петровны, которая всегда излишне не боялась простудъ. Надѣмся, что она будетъ осторожнѣе, для спокойствія друзей своихъ.

Усердно благодарю васъ за присланное. Предисловіе очень хорошо написано. Я замѣтилъ карандашемъ нѣсколько словъ, и возвращаю; а если что замѣчу въ грамотахъ, то немедленно сообщу вамъ. На сихъ дняхъ я не имѣлъ ни двухъ свобод-

ныхъ часовъ; ничего не могъ отложить, и только взглянулъ на грамоты Царя Ив. Васил.

Мы, слава Богу! здоровы и думаемъ, съ позволенія Государева, переѣхать около мая въ Царское село.

Часть статейныхъ списковъ отправлю къ вамъ на Св. недѣль или на Ооминной. Нѣтъ ли у васъ *особенной* Миллеровой піесы о бракахъ Царя Ив. Вас..? кажется, что я гдѣ-то читалъ ее; искалъ въ *ежемѣсячн. сочиненіяхъ* (39) и не нашелъ.

Сто разъ обнимаю васъ, любезнѣйшіе, цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой Катеньки. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Что скажете объ убіеніи Коцебу? каково просвѣщеніе? Коцебу переводилъ мою исторію и писалъ ко мнѣ письмо любезное.

36,

Царское село, 1-го мая 1819 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! въ самый день переѣзда нашего въ Царское село я простудился, и съ того времени сижу въ колпакѣ, смотря на голыя деревья; но это не мѣшаетъ мнѣ сказать вамъ нѣсколько дружескихъ словъ и благодарить за присланныя бумаги. Вы крайне одолжите меня сообщеніемъ грамотъ Царя Ив. Вас., какія найдутся въ государ. Московскомъ Архивѣ, если онѣ могутъ быть чѣмъ либо интересны.—Дней за 10 передъ симъ отправилъ я въ вашъ Архивъ 16 книгъ статейныхъ списковъ.

Жена моя должна родить въ іюнѣ; но бабушка Павловская, на которую мы надѣялись, больна, и если къ тому времени не выздоровѣетъ, то намъ должно будетъ черезъ мѣсяцъ возвратиться въ Петербургъ. Весна здѣсь еще не красива, такъ холодна, что мы топимъ всѣ печи.

Надѣюсь, что вашъ кашель прошелъ. Какъ думаете провести лѣто? хочется знать объ васъ все, что знать можно.

Люди на всемъ сходятъ съ ума: либерализмъ сдѣлался болѣзнію. Все къ лучшему, но не въ смыслѣ здѣшняго свѣта. Мнѣ съ нѣкотораго времени кажется, что просвѣщеніе Европы угрожается затмѣніемъ. Есть Богъ: будемъ спокойны!

Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Будьте всѣ трое здоровы; мы всѣ и всѣхъ васъ любимъ душевно.

Графъ Сергѣй Петровичъ скоро отправится къ вамъ. Мы провели съ нимъ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ въ бесѣдахъ искреннихъ. Онъ не веселъ; но гдѣ веселые? Обнимаю васъ нѣжно, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ, на вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

37.

Царское село, 13-го іюня 1819 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! жена моя 5-го іюня благополучно родила сына Владиміра, котораго она и я рекомендуемъ въ дружбу вашу и почтеннѣйшей Анны Петровны и милой Катерины Алексѣевны. Мы исполнены благодарности къ Богу и любви къ друзьямъ.

Жена оправляется, а я здоровъ, и дѣти также здоровы; пользуемся милостію Августѣйшаго хозяина и думаемъ о

возвращеніи въ Москву, если будемъ живы весною 1820 года. Тогда увидите меня изряднымъ полустарикомъ, изряднымъ меланхоликомъ, довольно равнодушнымъ къ жизни, но все еще чувствительнымъ въ любви и дружбѣ.

Вашъ Казанскій профессоръ доставилъ мнѣ отъ васъ дружеское письмо, а самъ не являлся. Я желалъ бы съ нимъ познакомиться.

Думаю, что вы наслаждаетесь теперь сельскою жизнію. Здѣсь лѣто было прекрасное, но вдругъ пошли дожди, и мы скоро всплывемъ.

Извѣстна ли вамъ біографія Кн. Дашковой? Я достала экземпляръ, но такъ худо переписанный, что тяжело читать.

Будьте совершенно здоровы и благополучны, любезнѣйшіе друзья. На вѣкъ вамъ преданный

Н. Карамзинъ.

Гр. Каподистріа долженъ возвратиться сюда около августа, на фрегатъ, который посылается къ нему изъ Кронштадта въ Англію.

38.

Царское село, 26-го августа 1819 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! я давно не писалъ къ вамъ: не извиняюсь, а просто винюсь. Полагаю, что вы уже возвратились въ Москву. А мы не трогались съ мѣста, отъ 26-го апрѣля до сего дня; даже не заглядывали въ Петербургъ. Моя жена худо оправляется, и вотъ мое единственное безпокойство! совѣтуемся съ докторами, а надѣемся только на Бога. Впрочемъ наша жизнь по старому тиха и невинна,

хотя отчасти и придворная. Государь простился со мною очень милостиво. Онъ возвратится 2-го или 3-го сентября, чтобы черезъ три дня ѣхать въ Варшаву на 6 недѣль. То ѣзжу въ Павловское къ добродѣтельной Императрицѣ, то читаю корректуры, то пишу 9-й томъ Исторіи, хотя и мало. Вы ѣздили въ Тульскую деревню наслаждаться лѣтомъ; но оно цвѣло и цвѣтеть среди болотъ земли Ижерской, у насъ чухонцевъ. Съ того времени, какъ стоитъ Петербургъ, а можетъ быть и съ Ноева времени, съ потопа, не бывало здѣсь такого лѣта. Не только дни, но и самыя ночи прекрасныя, въ исходѣ августа: теплы, душны. Однимъ словомъ, это чудо. Гдѣ засухи, гдѣ дожди съ градомъ, а здѣсь все въ пору и все прекрасно.—Графъ Каподистріа былъ предметомъ общаго вниманія въ Парижѣ, а теперь въ Лондонѣ, откуда будетъ сюда черезъ Варшаву, какъ вѣроятно, гдѣ ждутъ Государя къ 20-му сентября. Въ Европѣ есть колыханіе, или какъ послѣ бури, или какъ передъ бурею. Мнѣ часто кажется, что Государи могли бы весьма легко устроить благоденствіе гражданскихъ существъ; но это, думаю, не угодно Провидѣнію. Покой ждетъ насъ въ другомъ мірѣ. — Обнимаемъ васъ всѣмъ семействомъ; а я особенно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Будьте, любезнѣйшіе, здоровы и благополучны. Мы привязаны къ вамъ всею душою. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

39.

С.-Петербургъ, 24-го ноября 1819 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! отъ всего сердца поздравляемъ васъ и почтенную Анну Петровну съ дорогою

имянинницею. Дай Богъ вамъ всѣмъ совершеннаго здоровья и благоденствія. Любимъ васъ всею душою: увѣрены и въ вашей любви. Говорю вамъ это не въ первый разъ, но люблю повторять.

Сердечно благодарю васъ за два дружескія письма. Еще не могъ я исполнить вашего добраго порученія въ отношеніи къ Графу Каподистріа. Я видѣлъ его только два раза: онъ былъ у насъ при другихъ; а послѣ мы еще видѣлись во дворцѣ: нельзя было говорить о вашей службѣ, которой усердіе и польза ему извѣстны. Съ нимъ трудно встрѣтиться: онъ очень занятъ и не принимаетъ. Авось когда нибудь еще заглянетъ къ намъ. Увѣдомлю васъ, что скажетъ о чинѣ.

Здѣсь нѣтъ слуха о томъ, чтобы Государь думалъ куда нибудь ѣхать. Вѣроятно, что неоставитъ Петербурга до августа.

Сдѣлайте дружеское одолженіе, сообщите мнѣ описаніе путешествія Козаковъ въ Китай: оно есть у меня не полное. Я долженъ покрайней мѣрѣ умомянуть объ немъ въ IX томѣ. Мнѣ кажется, что это сказка: какъ вы думаете? Козаки точно были посланы для развѣдыванія о Китаѣ, но подробности невѣроятны. — Находка рублей любопытна. Я скажу о томъ въ прибавленіяхъ къ VIII ч. втораго изданія. Френъ нашелъ Арабское сказаніе 922 г. о Россіянахъ: также помѣщу его въ прибавленіи.

Собираемся къ вамъ на будущее лѣто. Хотѣлось бы только издать здѣсь 9-й томъ, но едвали успѣю. Въ мѣсяцъ не прибавилъ ни строки къ написанному. Утра мелькаютъ, и старость приближается; но за зимою ждетъ насъ весна.

Нѣжно васъ обнимаемъ, семействомъ семейство. На вѣки ваши

Карамзины.

Прилагаю письмецо къ Калайдовичу. Желалъ бы я узнать, что вы писали къ Канцлеру: онъ такъ глухъ, что съ нимъ совсѣмъ нельзя говорить.

40.

С.-Петербургъ, 16-го декабря 1819 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичь! всѣмъ домою и отъ всего сердца поздравляемъ васъ и съ чиномъ и съ сенаторствомъ. Мы это узнали на балѣ 12-го декабря. Къ щастію Архива, вы остаетесь его начальникомъ. И такъ да здравствуетъ Архивъ, Сенатъ и добрый вельможа, который усердно ходатайствовалъ за достойнаго! На другой день поутру я спѣшилъ поздравить любезнаго Павла Ѳедоровича; а онъ провелъ у насъ часть вечера. Теперь вы все имѣете: будьте только здоровы всѣ трое; а мы васъ нѣжно обнимаемъ.

Очень благодарю за бумаги, мнѣ сообщенныя; а вы поблагодарите отъ меня Г. Строева. Спѣшу отправить письмо, и еще разъ васъ обнимаю, цѣлуя ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

41.

С.-Петербургъ, 20-го февраля 1820 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичь! здравствуйте въ Москвѣ, съ почтеннѣйшею Анною Петровою, съ милою Катенькою! за васъ и съ вами радуюсь, хотя и нездоровый: два дня ѣздилъ я съ Императрицею на экзамены въ институтъ и такъ простудился, что уже отказался отъ нынѣшняго

экзамена. Думаю, что вы не мало потерпѣли отъ худой дороги; но какъ весело ѣхать къ своимъ! Мысленно провелъ съ вами два дня въ Новѣгородѣ, откуда вы написали къ намъ такое дружеское письмо. Прошу васъ, любезнѣйшій, прислать ко мнѣ *списокъ съ перемирной грамоты Датскаго Короля съ Россіею, N 1, г. 1580, авг. 28.* Это мнѣ крайне нужно—и поскорѣе.

На сей разъ простите. Любезный Павелъ Ѳедоровичъ пригласилъ меня на *свой экзаменъ послѣ завтра.* Авось, выздоровѣю къ тому времени; у меня болитъ горло.—Съ нѣжностію цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, а васъ и милую дочку обнимаю. Жена моя увѣряетъ васъ въ своей искреннѣйшей привязанности. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

42.

С.-Петербургъ, 1-го марта 1820 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ!

Еще не знаемъ, какъ вы доѣхали, и ждемъ доброй вѣсти съ нетерпѣніемъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ видѣлъ и слушалъ я экзаменъ Гр. Шереметева; а еще съ большимъ удовольствіемъ читалъ ваше описаніе Москвы, которое на сихъ дняхъ возвращу Императрицѣ, желая скорого продолженія. Очень много любопытнаго; осудить же, право, ничего не умѣю. — Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ *первые два нумера Папскихъ дѣлъ и пятый Цесарскихъ,* крайне для меня нужныхъ.

У насъ не очень здорова Катенька, впрочемъ все по старому. Начались ли ваши сенаторскіе подвиги? Я видѣлъ Канцлера: онъ здоровъ и васъ душевно любитъ.

Будьте, любезнѣйшіе, совершенно здоровы. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, нѣжно обнимаю васъ и Катеньку. Надѣюсь, что худая дорога не испортила куклы прекрасной. На вѣки вашу

Н. Карамзинъ.

43.

Царское село, 25-го мая 1820 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! сердечно благодарю васъ за дружеское письмо. Вы уже знаете, что мы едва было не сгорѣли вмѣстѣ съ дворцомъ; но вѣтеръ затихъ, и домикъ нашъ остался цѣлъ: цѣлы и бумаги и книги Архивскія. Надѣюсь, что вы уже давно получили отъ меня ящикъ съ статейными списками, въ числѣ коихъ и 1 № Греческихъ дѣлъ. Ожидаю А. И. Тургенева, чтобы послать къ вамъ черезъ него *прибавленія къ Дипломат. Собрانیю etc.* Ибо здѣшній почтмейстеръ не беретъ отъ меня казенныхъ бумагъ. Лѣтопись, которой вы требуете, отъ времени В. К. Василя Дм. до 1560 года, давно возвращена мною въ Архивъ, то есть, передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ; у меня остались только *Ростовская и Разряды*. Увѣдомьте, найдется ли она у васъ: это меня беспокоитъ. — Не удивляюсь, что вы скоро привыкли къ сенатскимъ дѣламъ. Для основательнаго ума они не могутъ быть тарабарскою грамотою. Трудность состоитъ единственно въ худомъ запутанномъ слогѣ или предложеніи. — Послѣ тревоги

списокъ
7/20 8

живемъ спокойно. Видимъ добраго Царя и добрыхъ Царицъ. Въ іюлѣ будетъ у васъ Государь. Радуюсь за Москву, что она довольна своимъ начальникомъ (40). Авось, и мы къ вамъ возвратимся на то лѣто! Между тѣмъ живемъ день за день, безъ дальнихъ плановъ. Готовлюсь писать о Сибири: она составитъ главу; а тамъ будетъ послѣдняя. Работа все еще занимаетъ меня пріятнымъ образомъ, и все еще жалѣю, что утро коротко. Вы въ городѣ: будете ли въ селѣ? У насъ дни красны, но холодны. Впрочемъ и холодное лѣто лучше теплой зимы: не жалуемся; гуляемъ все въ одномъ саду, и не скучаемъ; не слышимъ соловьевъ, но слышимъ иволгу. — Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, а васъ обнимаю, прося, чтобы вы лишній разъ поцѣловали за меня милую Катеньку. Мужъ, жена, дѣти, всѣ любимъ васъ душевно; не сомнѣваемся и въ вашей любви. Будьте совершенно здоровы и благополучны. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

44.

Царское село, 27-го августа 1820 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ за дружеское участіе. Сонюшка, слава Богу! выздоровѣла, но я все еще съ трудомъ могу писать, хотя уже и гораздо менѣе страдаю. Скажу вамъ только два слова: то, что мы, мужъ и жена, душевно любимъ васъ и почтеннѣйшую Анну Петровну и милую вашу Катеньку. Еще менѣе прежняго занимаемся будущимъ: что Богу угодно! Обнимаемъ васъ нѣжно. Будьте здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

С.-Петербургъ, 10-го декабря 1820 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичь! сердечно благодарю васъ за два дружескія письма, за поздравленія и за добрыя искреннія желанія, также и за переводъ милой Катерины Алексѣевны, читанный мною съ живѣйшимъ удовольствіемъ и весьма искренно одобренный: очень, очень хорошо. По-критикую одно выраженіе: *premier assiseil*: къ звуку цѣпей это нейдетъ, если не ошибаюсь. Въ заключеніе цѣлую ручку у моей переводчицы. — Слава Богу, что ваша глазная болѣзнь прошла, и что почтеннѣйшая Анна Петровна теперь уже здорова: вамъ нужно только здоровье для щастья земнаго; другое, кажется, вы все имѣете. Я не перестаю беспокоиться о женѣ: она тяжело носитъ свое бремя, въ ожиданіи февраля; еще недѣль семь или восемь впереди; да и родить не шутка въ девятый разъ, около сорока лѣтъ. Что принадлежитъ до меня, то бываю часто въ простудѣ: и теперь болитъ горло, хотя и собираюсь выѣхать. Послѣдняя глава IX тома мною дописана; на сихъ дняхъ отдамъ въ печать, а на слѣдующей почтѣ отправлю къ вамъ ящикъ съ статейными списками, прося васъ, любезнѣйшій, доставить мнѣ скорѣе всѣ матеріалы для описанія Ѳеодорова царствованія: кромѣ дѣлъ, не найдете ли и другихъ бумагъ любопытныхъ? вспомните и поройтесь. Вы меня дружески одолжите. Ждемъ Царя, хотя еще и не знаемъ, когда онъ выѣдетъ изъ Троппау (41). По видимому, Австрія займетъ Неаполь; но удержитъ ли? предпріятіе важно — и отважно! Будьте здоровы и благополучны: мы всѣ, мужъ,

жена, дѣти, усердно желаемъ вамъ всего добраго, а себѣ вашей искренней дружбы. Васъ обнимаю, а у почтеннѣйшей Анны Петровны нѣжно цѣлую руку. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

С.-Петербургъ, 30-го января 1821 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ!

Давно я не писалъ къ вамъ, но не переставалъ думать и говорить объ васъ при всякомъ случаѣ. Мы, слава Богу! здоровы, только съ безпокойствомъ ожидаю разрѣшенія отъ бремени жены моей: что должно быть на сихъ дняхъ. — Доселѣ жизнь наша не перемѣнилась: обѣдаемъ и вечера проводимъ дома, кромѣ выѣздовъ во дворецъ, мнѣ любезный по милостямъ Императрицы добрыхъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ Государя, равно какъ и всѣ добрые подданные; но конгрессъ только что начался (42). Авось увидимъ Царя прежде Святой недѣли. Дай Богъ, чтобы ему удалось отвратить войну!

Прилагаю записку о нужныхъ для меня бумагахъ архивскихъ. Требую многого; но что дѣлать: все необходимо. Убѣдительно прошу васъ, любезнѣйшій, немедленно отправить ко мнѣ ящикъ: жду его, чтобы начать 10-й томъ. Это теперь отъ васъ зависитъ; а время дорого для автора пятидесятилѣтняго съ хвостикомъ. — 9-й томъ печатаютъ, огромный съ нотами. Доставлю его вамъ въ листахъ, но не прежде апрѣля. Хотѣлось бы дописать до Романовыхъ: тутъ

конецъ поэмы—остальное наслѣдникамъ. Еще бы два тома, и поклонъ исторіи! но не обманываю себя: едва ли удастся, развѣ Богъ поможетъ! Лѣта склоняють мой умъ къ метафизикѣ: это негодится для изображенія дѣйствія и характера. Одна надежда на сердце, еще не совсѣмъ старое.

Укладываю теперь ящикъ для отправленія къ вамъ: книгъ 20 и статейныхъ списковъ и печатныхъ.

Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, у любезнѣйшей моей переводчицы, а васъ обнимаю. — Всѣмъ домомъ мы вамъ душевно преданы. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Вмѣсто записки возвращаю вамъ реэстры и прошу всѣхъ бумагъ, при коихъ поставленъ знакъ X

Не найдете ли по вашей дружбѣ и еще чего нибудь?

Сдѣлайте милость, реэстры пришлите мнѣ назадъ, чтобы я видѣлъ, все ли мнѣ доставлено.

Еще разъ обнимаю васъ нѣжно.

47.

С.-Петербургъ, 3-го марта 1821 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Сердечно благодарю васъ за доставленіе двухъ ящиковъ съ архив. бумагами: ожидаю еще. Полученное разбираю — и нѣсколько строкъ X тома уже написано. Кажется, что это царствованіе не займетъ ни половины его. Хорошо, если бы до января кончить, ибо работа моя уже не спора. 13 листовъ IX т. отпечатаны: къ маю выйдеть.

Здоровы ли вы, любезнѣйшіе? Давно не имѣю отъ васъ писемъ, хотя и не смѣю жаловаться. Жена моя родила благополучно, но медленно собирается съ силами. Новорожденная Елисавета по сую пору не красавица: лишь бы была жива и здорова!

Отсутствіе Государя не мѣшало здѣшнимъ баламъ, въ которыхъ мы не участвовали, довольствуясь только придворными спектаклями. Когда онъ возвратится, еще не извѣстно; а чѣмъ Неаполитанская исторія кончится, также не знаемъ.

О своемъ будущемъ не думаю. Желаю мѣсяца черезъ два быть въ Царскомъ селѣ; но и это не вѣрно.

Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны. Жена моя проситъ ее быть милостивою къ нашей Елисаветѣ. Мысленно обнимаю васъ и милую мою переводчицу. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Прилагаю записку къ Г. Калайдовичу.

Надѣюсь, что въ Архивѣ полученъ отъ меня ящикъ съ статейн. списками и проч.

Сдѣлайте мнѣ дружеское одолженіе, прикажите Г. Калайдовичу или другому сдѣлать подробное описаніе наружности, лица и вида Царя Θεодора Іоанновича, съ его изображенія надъ гробницею въ Архангельскомъ соборѣ — и какъ можно скорѣе мнѣ доставьте.

48.

С.-Петербургъ, 10-го марта 1821 г.

Отъ души и сердца благодарю васъ, любезнѣйшій Алексѣй Θεодоровичъ, за доставленіе мнѣ арх. бумагъ и за ваше

дружеское письмо. Прилагаю росписку. Развѣ уже нѣтъ статейныхъ списковъ сего времени въ *книгахъ* (кромѣ столбцовъ), ни Цесарскихъ, ни Шведскихъ, etc..? *Польскія* дѣлаидутъ у меня только до 1588 г.; сдѣлайте милость, пришлите слѣдующія, весьма для меня нужныя, до кончины Θεодора; также и то, что *вы мысленно для меня напутали*, и чего буду ждать съ нетерпѣніемъ. Обязите исторіографа и друга. — Жена моя, слава Богу! и поворожденная здоровы, равно какъ и всѣ мы. Здѣсь много больныхъ. Обѣ Императрицы не очень здоровы. Государя ожидаютъ въ концѣ сего мѣсяца; но это еще не вѣрно. Знаемъ, что Неаполитанцы хотятъ обороняться; однакожъ еще не слышно о сраженіяхъ. Неаполь безъ сомнѣнія займутъ Австрійцы; но кончится ли тѣмъ война? Жаль крови. Надобно утѣшаться вѣрою въ Провидѣніе. Вчера я видѣлъ Канцлера, а говорить съ нимъ почти не могъ: это грустно. Вѣсти его печальны: Черниговскій голодъ захватилъ и Бѣлоруссію. Мои Орловскіе крестьяне отказываются платить оброкъ за неурожаемъ: живу историческимъ капиталомъ, изъ коего мы уже прожили 90 тысячъ. Впрочемъ не жалуюсь и благодарю Бога. — Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, обнимаю васъ и милую Екатерину. Жена моя и дѣти любятъ всѣхъ васъ также, какъ и я, на вѣки преданный вамъ,

Н. Карамзинъ.

49.

С.-Петербургъ, 4-го апрѣля 1821 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Θεодоровичъ!

Сердечно благодарю васъ за милый подарокъ: портретъ очень сходенъ, хотя и есть въ немъ что-то не ваше; онъ бу-

детъ стоять передо мною. Вамъ поднесла его любовь и признательность; это весело. Архивъ щастливъ начальникомъ, а вы щастливы архивскими чиновниками, которые умѣютъ быть благодарными.

Прилагаю росписку. Вы меня одолжите всѣмъ, что сообщите мнѣ о временахъ Θεодора. Я началъ X т. кое-какъ. Еще занимаюсь корректурами IX, котораго печатаніе продолжится до мая; не замедлю доставить его вамъ.— Скажите спасибо К. Θ. Калайдовичу за описаніе Θεодорова лица.

Видно, что намъ доживать вѣкъ въ буряхъ политическихъ. Вчера отданъ приказъ готовиться гвардіи къ походу (43); слѣдственно дѣла Неаполитанскія, по крайней мѣрѣ Италіанскія, еще смутны, хотя въ газетахъ Вѣнскихъ и возвѣстили намъ конецъ революціи. О Грекахъ мы ничего не знаемъ послѣ первыхъ извѣстій. Умъ не велитъ мнѣ ничего желать, а сердце желаетъ того, что кажется ему добрымъ, хотя всѣ мы слѣпцы въ семъ мірѣ.

Мои, слава Богу! здоровы, и всѣ дружески поздравляютъ васъ, почтеннѣйшую Анну Петровну и любезную Екатерину, съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ. У маменьки и у дочки нѣжно цѣлую ручку, а васъ обнимаю. Будьте здоровы, благополучны и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Навѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Нездоровье Императрицы М. Θ. все еще беспокоитъ насъ.

50.

Царское село, 24-го мая 1821 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Θεодоровичъ!

Сердечно благодарю васъ за дружеское воспоминаніе и ра-

дуюсь, что корь прошла благополучно; что милая Катенька здорова, а вы спокойны. Мы зябнемъ въ Царскомъ селѣ, еще ожидая лѣта. Хуже всего то, что меня снова беспокоитъ нездоровье жены. — Грустно. — Очень благодарю и за рукопись Татищева: въ ней есть кое-что. Развѣ въ Архивѣ нѣтъ дѣлъ Нагайскихъ сего времени, т. е. *статейныхъ списковъ переплетенныхъ*? Увѣдомьте.

Теперь у насъ гоститъ Князь Петръ Вяземскій. Государя ожидаютъ нынѣ къ вечеру. Мнѣ надобно вручить ему IX-й томъ, который немедленно и къ вамъ отправлю. Пишу десятый томъ, мало по малу. Если увидите Анну Львовну Пушкину (44), то сдѣлайте намъ одолженіе, скажите ей, что мы принимаемъ искреннѣйшее участіе въ ея здоровьѣ, желая сердечно, чтобы оно скорѣе поправилось. Князь намъ сказывалъ, что и любезный Василій Львовичъ (45) плохъ здоровьемъ: это намъ очень прискорбно. Не забываемъ Москвы: еще можемъ кончить въ ней дни наши. Какъ угодно Богу! между тѣмъ будьте здоровы, добрые наши друзья! Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, обнимаю васъ и милую Катеньку отъ имени всего нашего семейства, душевно къ вамъ привязаннаго. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Царское село, 2-го августа 1821 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ!

Сердечно благодарю и за дружеское письмо и за доставленіе бумагъ, въ которыхъ есть нѣчто для меня любопыт-

ное : напимѣрь , извѣстіе о дядкѣ Царя Ѳеодора . Все возвращу вамъ изъ Петербурга . Между тѣмъ сдѣлайте милость , постарайтесь , чтобы К. Ѳ. Калайдовичъ *скорѣе* доставилъ мнѣ лѣтопись , купленную для Графа Румянцева : она содержитъ въ себѣ что - то неизвѣстное о Димитріи etc . Пожалуйста , исполните мою просьбу . Я теперь весь въ Годуновѣ : вотъ характеръ исторически — трагическій ! — Кончилъ первую главу Ѳеодорова царствованія . — Мы , слава Богу ! здоровы , часто имѣю щастіе видѣть Государя , къ намъ милостиваго . Я узналъ и люблю Его еще болѣе прежняго , желая быть безкорыстнымъ въ этомъ искреннемъ чувствѣ , которое не должно измѣниться , если бы и Онъ въ своемъ расположеніи ко мнѣ перемѣнился . Вотъ моя главная привязанность въ здѣшнемъ краю , который однажъ могу оставить , чтобы умереть въ старой нашей Москвѣ . Иногда бываетъ мнѣ грустно . Старѣюсь , хотя и здоровъ . Часто свѣтъ кажется мнѣ привидѣніемъ : протремъ себѣ глаза на томъ свѣтѣ ! Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой Катеньки , а васъ обнимаю , будьте благополучны . На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ .

Царское село, 30-го сентября 1821 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ ! Сердечно благодаримъ васъ и почтеннѣйшую Анну Петровну за дружеское поздравленіе . Мы не думали о вензелѣ для Софьи (46) ; но благоволеніе Государя пріятно нашему сердцу . Это былъ *сюрпризъ* не для именинника , а со стороны именинника . — И

такъ вы равно съ нами пользовались сельскою жизнію болѣе для работы, нежели для гулянья: здѣсь также во все лѣто лили дожди. Радуюсь историческимъ трудамъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ: лишь бы написано было; читатели найдутся, и знающіе и благодарные: мнѣ очень хотѣлось бы включить себя въ ихъ число. Кому вы здѣсь доставите этотъ трудъ? которому изъ двухъ Графовъ (47)? *первое отъѣленіе* для меня еще любопытнѣе слѣдующихъ. — Я бреду впередъ; описываю теперь убіеніе Димитрія. Ради Бога и дружбы давайте мнѣ, что найдете въ прибавокъ къ матеріаламъ. Доставьте мнѣ, любезнѣйшій мой пособникъ, генеалогію Шуйскихъ до Царя Василія Ив.; она вѣрно есть въ Архивѣ. Да нѣтъ ли еще какой бумаги о посвященіи нашего *перваго Патріарха*, Іереміи? вы мнѣ одну сообщили и не полную. Печатное мнѣ извѣстно, какъ въ *собраніи грамотъ*, такъ и въ *визлѣтѣ*. Нѣтъ ли чего въ Библіотекѣ Синодской? Поговорите о томъ съ К. Ѳ. Калайдовичемъ, котораго очень благодарю за лѣтопись о Димитріи; у меня былъ ея списокъ, но весьма худой. — О найденной золотой медали въ Черниговской губерніи ничего не знаю: буду ждать отъ васъ слѣпка или описанія. — Мы, слава Богу! провели лѣто хорошо, не смотря на худую погоду. Думаемъ возвратиться въ городъ около 20-го октяб. Простите, любезнѣйшіе друзья наши. Всѣмъ семействомъ увѣряемъ васъ троихъ въ нашей искренней любви, не боясь повтореній. Будьте здоровы и совершенно благополучны. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

53.

С.-Петербургъ, 5-го декабря 1821 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! благодарю и благодарю

васъ, какъ за дружеское письмо, такъ и за присылку: все возвращу въ свое время. Нетерпѣливо желаю читать *обозрѣніе сношеній Россіи съ Портою* и буду просить его. Я давно не видалъ Графа Каподистріа, хотя пріятельская связь наша и не измѣнилась: онъ занятъ, а я лѣнивъ на выѣзды; еще лѣнивѣе прежняго.—Вотъ дѣйствіе лѣтъ и мысли о непрочности житейской! однакожь занимаюсь еще усердно Исторіею; скоро отправлю къ вамъ ящикъ съ архивскими бумагами и прошу васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ, изготовить для меня все относящееся къ царствованію Годунова: желаю спѣшить, спѣшить! въ Греческой Грамотѣ о Патріаршествѣ не имѣю большой нужды: не присылайте ее. Но сдѣлайте милость, не забудьте ничего любопытнаго о временахъ Годунова: хочется отдѣлать его цѣльно, не отрывкомъ. Радуюсь, что и вы съ живымъ удовольствіемъ описываете добрую Москву: это прекрасный подарокъ для современниковъ и потомства. На сихъ дняхъ встрѣтилось мнѣ въ бумагахъ 1597 года описаніе двадцати или тридцати блюдъ царскаго стола: находка любопытная! извѣстіе о надписи Фотіева Сакоса оставляю для третьяго изданія Исторіи, если доживу до него.—Вы жалуетесь на слабость зрѣнія: и мои глаза тупѣютъ, вмѣстѣ съ слухомъ. Впрочемъ хвалюсь здоровьемъ, даже хвастаюсь: желаю вамъ того же. Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой моей переводчицы: что она дѣлаетъ? скажите. Мужъ, жена, дѣти, всѣмъ домомъ и всѣмъ сердцемъ любимъ всѣхъ васъ. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Вчера пріѣхала Вел. Княгиня Марія Павловна.—Въ заключеніе еще обнимаю васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ.

С.-Петербургъ, 29-го января 1822 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! На сей почтѣ отправляю въ Архивъ всѣ бумаги Ѳеодоровыхъ временъ и дружески прошу васъ доставить мнѣ немедленно Статейные списки и столбцы царствованія Годунова и Лжедимитрія, дѣла Европейскія и Азіатскія: Польши, Австріи, Англіи, Швеціи, Италіи etc; Турецкія, Крымскія, *Нагайскія*, Персидскія, Грузинскія, Кабардинскія, etc.; также и дѣла *внутреннія*: безъ вашей дружеской милости не могу начать Годунова, буду ждать съ нетерпѣніемъ. Спѣшу къ цѣли: ибо могу умереть, или сдѣлаться неспособнымъ къ работѣ; могутъ перемениться и обстоятельства; а не худо, по моему удостовѣренію, чтобы вышло еще тома два моей Исторіи. Богъ сдѣлаетъ по Своему; но наше дѣло гадать, совѣтуясь съ умомъ и совѣстію.

Прошу еще прислать мнѣ *Духовную* Іоанна Грознаго и похвальное слово Годунову, Доктора Фридека (или какъ его зовутъ?); еще la legende, еще Historiam belli Suevo-Moscovitici decennalis, Вибекиндовъ, еще Мильтоновъ History of Moscovia и the ancient and present state of Moscovy.

Наконецъ мнѣ дали просмотрѣть ваше прекрасное обозрѣніе сношеній Россіи съ Оттом. Имперіею: всѣ его хвалятъ, а я не отстаю отъ другихъ. Оно уже поднесено, какъ надѣюсь, Государю. Не скоро Архивъ дождется втораго Алексѣя Ѳеодоровича!

Я недѣли двѣ не выѣзжалъ отъ простуды, однакожъ писалъ ноты; послѣ того уже былъ и въ спектаклѣ и на балѣ у Императрицы. Здѣсь все готовится къ маскараду 4-го

февр; будутъ картины, романсы въ представленіи, etc. etc. Купцы рады: продажа ожила въ лавкахъ. Даже и нашего историческаго капитала убудеть, на костюмъ жены и дочери.—Мы уже 100 тысячъ прожили сверхъ доходовъ, въ 5 или въ 6 лѣтъ, а живемъ такъ бережно, что никого не зовемъ къ себѣ обѣдать. Но благодаримъ Бога: молю Его только, чтобы Онъ хранилъ мое семейство; а жизнь свою предаю въ Его волю: готовъ и нынѣ и завтра переѣхать на новоселье съ вѣрою и надеждою.

«Заснувъ въ объятіяхъ Отца,

«Могу ль страшиться пробужденья?»

Между тѣмъ очень люблю въ здѣшнемъ свѣтѣ и свѣтъ, (кромѣ развѣ нашихъ Просвѣтителей) и семейство, и друзей, и Россію, и царя, и царицъ. Право, все хорошо — но мы здѣсь залетныя птицы: взмахнемъ крыльями и—простите!

Съ нѣжностію цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой моей переводчицы; а васъ обнимаю. Всѣмъ семействомъ васъ любимъ искренно. Будьте благополучны. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Съ Графомъ Сергѣемъ Петровичемъ мы уже бесѣдовали; онъ не выѣзжаетъ отъ легкой простуды.

Ради дружбы скорѣе шлите мнѣ матеріалы!

55.

С. Петербургъ, 4-го мая 1822 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Федоровичъ! собираясь переѣхать въ Царское село, желаю сказать вамъ нѣсколько словъ; то есть, повторить всегдашнія и всегда истинныя увѣренія въ

моей къ вамъ привязанности. На сихъ дняхъ мы много говорили о васъ съ любезнымъ Графомъ Сергѣемъ Петр. Румянцовымъ, который провелъ у насъ нѣсколько вечеровъ, доказывая намъ свою искреннюю пріязнь. Ждутъ сюда и Графа Николая Петровича съ его печальною глухотою. Какъ вы думаете провести лѣто? А всего болѣе хотимъ знать о вашемъ здоровьѣ. У насъ нездорова Сонюшка желѣзами, которыя уже 6 недѣль не проходятъ и мѣшаютъ ей выѣзжать: это начинаетъ меня беспокоить. Ъдемъ въ Царское село на новую квартиру: прежній нашъ домикъ хотятъ ломать. Старѣясь, уже не люблю новаго, хотя и красиваго. — Не знаю, почему я думалъ, что Иван. Петр. Бекетовъ опредѣленъ къ вамъ въ Архивъ: было ли о томъ слово? — Сдѣлайте милость, уведомьте, осталась ли въ Грановитой палатѣ на стѣнахъ *старая живопись*? и что? мнѣ это нужно знать. Пишу запросъ къ Г. Калайдовичу: убѣдите его отвѣчать мнѣ съ нѣкоторою подробностію: объ одной изъ рукописей Гр. Толстаго (48). Дней черезъ 10 ѣдутъ и Государь и Великая Княгиня М. П. Государь ѣдетъ только осмотрѣть гвардію. Дѣло о войнѣ еще не рѣшено по видимому.

Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у моей любезной переводчицы. Довольны ли вы вашею Швейцаркою? Мы беремъ новаго дядьку. Будьте здоровы, благополучны и любите всѣхъ насъ, какъ мы всѣ любимъ васъ. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Царское село, 19-го мая 1822 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ за дружеское письмо и за бумаги любопытныя; но про-

шу васъ убѣдительно сдѣлать мнѣ еще истинно-дружеское одолженіе, — доставить если не всю Беерову Московскую лѣтопись, то хотя выписку изъ нея о временахъ Годунова и Лжедмитрія: возвращу вамъ, если прикажете, черезъ недѣлю, и даю слово не *огласить*, что *знаю и видѣлъ* эту лѣтопись, пока Гр. Н. П. самъ не дастъ ее мнѣ. Но теперь было бы долго съ нимъ описываться, а мнѣ часъ дорогъ. Занимаюсь именно соображеніями происшествій и характеровъ сего времени. Не огорчите Исторіографа: не столько его труды, сколько дружба къ вамъ достойна исполненія этой просьбы, почти слезной. Говорю не въ шутку. Ради Бога! черезъ двѣ недѣли лѣтопись къ вамъ возвратится сохранно: исправность почты и любезнаго Булгакова вамъ извѣстна. Порадуйтесь моимъ нетерпѣніемъ: оно доказываетъ, что я еще не умеръ душею. — Буду ждать отъ васъ отвѣта милостиваго. Ободрите меня!

Откуда взяли вы планъ Кремля XVII вѣка, приобщенный къ вашему описанію Москвы? Сдѣлайте также одолженіе, пришлите мнѣ космографію, въ которой находится древнѣйшая карта Россіи, временъ Годунова: вы знаете эту книгу вашей Архив. Библіотеки.

Спѣшу отправить письмо. Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у моей переводчицы, я васъ также нѣжно обнимаю. Всѣ мои увѣряютъ васъ въ искреннѣйшей любви. Будьте здоровы. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Царское село, 5-го іюня 1822 г.

Со всею дружескою чувствительностію благодарю васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, за сообще-

ніе мнѣ драгоцѣнной лѣтописи: это конечно трогательное доказательство вашей милой дружбы; оно дѣйствительно тронуло меня до глубины души. Я дозволилъ себѣ быть нескромнымъ по любви къ дѣлу не безполезному для ума и нравственности нашего отечества; обрадовался вашему пакету какъ ребенокъ и три дня сижу за рукописью, читая и замѣчая, не жалѣя глазъ, ибо письмо не четко, связно, крючкато. Эту лѣтопись имѣлъ шведъ Петрей и взялъ изъ нея почти всѣ свои извѣстія о временахъ Годунова, Лжедимитрія etc.

Есть любопытныя подробности; надѣюсь управиться недѣли въ двѣ, и прямо отсюда въ казенномъ пакетѣ отправлю рукопись черезъ Архивъ къ вамъ.

Между тѣмъ надѣюсь увидѣть и Графа на сихъ дняхъ: онъ въ Петербургѣ. Буду просить у него лѣтописи, не упоминая объ васъ: онъ самъ нѣкогда говорилъ мнѣ объ ней. Заклучу тѣмъ, что обнимаю васъ за это одолженіе съ дружескою нѣжностію.—Я радъ былъ познакомиться съ вручителемъ исправнымъ и просилъ его посѣщать насъ, если будетъ въ Царскомъ селѣ.

У Софьи нашей все еще не проходитъ желѣза; но, кажется, что уменьшилась. Медики давали ей порошки: теперь хотимъ употреблять ваше лекарство; по крайней мѣрѣ оно безвредно. Всѣ мы остальные здоровы. Жена горюетъ о кончинѣ старца Кн. Оболенскаго (49) и не ѣздитъ въ Павловское. Добрый царь къ намъ добръ: онъ уже знаетъ, что отношенія мои къ нему безкорыстны, и развѣ по моей смерти вспомнить о моихъ дѣтяхъ; мнѣ уже ничего не надобно. Я простился даже и съ мечтою быть полезнымъ въ государственномъ смыслѣ; не простился только съ исторіею: вотъ мое дѣло, вопреки нашимъ Кастратамъ и щепетильникамъ!—Еще разъ обнимаю васъ нѣжно, съ такою же нѣжностію цѣлуя ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у моей милой

переводчицы. Будьте благополучны, по желанію моего сердца и всѣхъ моихъ. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

58.

Царское село, 20-го іюня 1822 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! съ живѣйшею сердечною благодарностію возвращаю Беерову хронику, сличивъ ее съ Петреемъ, который выписалъ изъ нея всѣ свои извѣстія о Россіи, но утаивъ источникъ. Кое-что пропущенное имъ я замѣтилъ для себя: напримѣръ, числа, имена мѣстъ, людей и случаевъ, пять-шесть любопытныхъ. И Канцлеръ обѣщаль мнѣ эту рукопись, но забылъ, гдѣ она, и хочетъ искать. Скоро, думаю, увидите его въ Москвѣ; сверхъ глухоты едва стоитъ на ногахъ и едва передвигаетъ ихъ; впрочемъ бодръ духомъ. Повторяю изъявленіе моей признательности: это истинно дружеское одолженіе. Здѣсь работаю какъ-то не очень удачно; однакожъ не теряю усердія и прилежанія. Хотѣлось бы, если буду живъ, издать зимою X-й томъ. Третьяго дня третій сынъ нашъ, Николай, разрѣзалъ себѣ лобъ до самаго черепа и очень испугалъ насъ, особенно жену: знакъ останется навсегда. Съ дѣтьми того и смотри, что бѣда. Наконецъ у насъ жаръ, 24 градуса въ тѣни. Только страшная засуха. Урожай едва ли будетъ хорошъ. Здѣсь въ Царскомъ селѣ уединенно, за то въ Павловскомъ людно. Простите пока; спѣшу отправить книгу. Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у любезной моей переводчицы, а васъ обнимаю. И въ городѣ и въ деревнѣ будьте здоровы, спокойны и веселы. Всѣ мои усердно вамъ кланяются. На вѣки душою преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Царское село, 10-го августа 1822 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ! ваше дружеское вос-
помянуваніе всегда пріятно моему сердцу. Радуюсь, что вы съ
вашими милыми благополучны и среди такихъ сельскихъ
удовольствій занимались описаніемъ Москвы: дай Богъ про-
долженія и здоровья и охоты къ трудамъ полезнымъ! Что
теперь описываете: Китай или Бѣлый городъ? Въ X томѣ я
также написалъ нѣсколько строкъ о Москвѣ, въ главѣ осо-
бенной, гдѣ говорю о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи
Россіи. Спасибо за сочиненіе Матвѣева; но точно-ли оно Мат-
вѣева? Съ кѣмъ я здѣсь говорилъ объ васъ, съ тѣми уже
можете сказать нѣсколько словъ объ насъ: съ Канцлеромъ
и съ Ив. Ивановичемъ (50). Отъ перваго получилъ я хроникъ
Бера въ Русск. переводѣ и еще кое-что. Скажите ему, что
я желалъ бы имѣть копію съ историческихъ бумагъ, вамъ
отъ него сообщаемыхъ: вѣроятно онъ не откажетъ. Рязанскія
древности я уже имѣлъ отъ самого Государя, съ которымъ
мы на долго разстались, къ нашему сердечному сожалѣнію.
Скоро надѣюсь отправить къ вамъ почти всѣ Архив. бумаги,
т. е. дѣла дипломатическія: я кончилъ главу о нашихъ сно-
шеніяхъ съ Европою и съ Азіею при Годуновѣ. Нѣтъ ли у
васъ чего нибудь годнаго для меня въ портфеляхъ Миллеро-
выхъ? метрика Литовская и Коронная здѣсь въ третьемъ Депар-
таментѣ Сената: въ ней есть нѣчто любопытное, но мало. Она
начинается со временъ Короля Александра. Канцлеръ обѣ-
щаль мнѣ III-й т. грамотъ, но еще не прислалъ; онъ
велѣлъ исключить сказанное вами объ немъ въ предисловіи.
Я замѣтилъ одну маловажную ошибку въ текстѣ грамотъ,

пробѣжавъ ихъ пять или шесть на-скоро въ кабинетѣ у Графа. Скажу все, что замѣчу. Мы теперь живемъ въ совершенномъ уединеніи. Жаль, что любезный, умный Графъ Каподистріа насъ оставляетъ. Такихъ людей мало. Мы, слава Богу! здоровы и васъ всѣхъ сердечно любимъ; послѣднее будемъ твердить вамъ, пока мы живы. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, нѣжно обнимая васъ и милую мою переводчицу. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте насъ о почтеннѣйшемъ Вильгельмѣ Михайловичѣ Рихтерѣ: намъ сказали, что онъ очень нездоровъ. Вы знаете, какъ мы его любимъ.

60.

Царское село, 22-го сентября 1822 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Наполнивъ два ящика Архивскими бумагами, черезъ три дня отправлю ихъ къ вамъ, если только примутъ на здѣшней почтѣ; а между тѣмъ прошу сдѣлать милость—*немедленно* доставить мнѣ № 26 (двадцать шестой) Польскихъ дѣлъ, гдѣ разсказывается Исторія Отрепьева, чрезъ нѣкоторое же время (т. е. когда получите мои ящики) и всѣ дѣла, всѣ бумаги отъ временъ Годунова до Михаила Ѳеодоровича; ихъ не много, какъ думаю. По вашей дружбѣ къ историку не забудьте ничего, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ. Описавъ всѣ наши дипломатическія сношенія Борисова царствованія, начинаю описывать гоненіе Романовыхъ, голодъ, разбои и явленіе самозванца: это ужаснѣе Батыева нашествія.—Здо-

ровы ли вы? мы, слава Богу! здоровы; думаемъ прожить здѣсь до исхода октября. Европа погребла Грековъ: дай Богъ воскресенія мертвымъ! Дружески васъ обнимаю, цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у моей милой переводчицы. Будьте благополучны и любите всѣхъ преданныхъ вамъ

Карамзинныхъ.

Государь дорогою читалъ мою рукопись о царствованіи Θεодора, возвратилъ мнѣ тетради и позволилъ печатать.

61.

С.-Петербургъ, 11-го декабря 1822 г.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Алексѣй Θεодоровичъ, за дружеское письмо и радуюсь, что вы съ вашимъ милымъ семействомъ здоровы. Глаза и ваши и мои, довольно поработавъ въ жизни, требуютъ успокоенія отъ времени до времени. Пока могу еще желать, чтобы ваши не были хуже моихъ. И мнѣ трудно писать при огнѣ, однакожъ читаю иногда сряду часа по три.

Очень также благодарю васъ за всѣ бумаги Архивскія; я не скуденъ матеріалами, однакожъ все еще прошу поискать, не найдется ли чего въ Миллеровыхъ портфеляхъ. Ваше дружеское содѣйствіе оживляетъ мою доброю волю въ исторической работѣ. Выдуманная рѣчи Григ. Вас. Годунова и Клешнина не прельщаютъ моего воображенія: пусть издаетъ ихъ Г. Профессоръ! у насъ избраніе Борисово описано весьма подробно въ государственныхъ бумагахъ.—Сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ надпись большой Кремлевской пушки

и пищали троиль, вылитыхъ Анд. Чоховымъ, съ означеніемъ ихъ вѣса и года (1586 и 1590?). Нетерпѣливо ожидаю вашего Китая и Бѣлаго города. Въ особенной главѣ, послѣ царствованія Θεодора, я сказалъ все, что нашель о почтеннѣйшей Москвѣ. Теперь пишу о самозванцѣ, стараясь отличить ложь отъ истины. Я увѣренъ въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно Отрепьевъ-Разстрига. Это не новое, и тѣмъ лучше.

Съ чувствительностію читаль я въ письмѣ нашего друга Ивана Ивановича о любезномъ для меня соединеніи Московскихъ друзей 1-го дек. (51.) въ загородномъ домѣ почтеннаго Ивана Петровича, искренно жалѣя, что я не былъ съ ними. Здѣсь мнѣ не нажить такихъ друзей! я уже сталъ и лѣнивъ: тѣмъ болѣе чувствую цѣну того, что имѣю. Весьма вѣроятно, что не оставлю здѣсь костей своихъ, если проживу еще нѣсколько лѣтъ, а не мѣсяцевъ. А между тѣмъ будьте всѣ живы и здоровы!

Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и милой моей переводчицы, а васъ обнимаю. Всѣ мы увѣряемъ васъ всѣхъ въ любви искреннѣйшей. На вѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

62.

С.-Петербургъ, 12-го апрѣля 1823 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Θεодоровичъ!

Сердечно благодарю васъ и за дружеское письмо и за бумаги Миллеровскія, въ которыхъ я уже нашель кое-что любопытное: именно разряды до Михаила Θεодоровича; бывшіе у меня или такъ далеко не шли, или не такъ подробны. Работаю еще усердно; кончилъ Θεодора Борисовича и начинаю Лжедмитрія. Буду очень доволенъ, если Богъ дастъ мнѣ, хотя осенью,

начать Шуйскаго. Въ такомъ случаѣ X-й и XI-й томъ могли бы къ веснѣ поступить въ книжныя лавки; осталось бы написать XII-й томъ и *сюр d'oeil* до нашихъ временъ, для роскоши; а тамъ... субботствовать до отбытія въ нашу родину—вѣчность, гдѣ хотѣлось бы мнѣ самому приготовить хорошія мѣста для всѣхъ моихъ милыхъ, живыхъ до нынѣ.

Мы, слава Богу! здоровы, чего и вамъ, почтеннѣйшіе друзья, усердно желаемъ. Вы спрашиваете меня о Канцлерѣ: иногда обѣдаю у него и всегда съ нѣкоторою грустью, не имѣя способа сообщаться съ нимъ свободно. Какъ всѣ люди для него перемѣнились; стали холодны и сухи, изъясняясь на письмѣ короткими бездушными фразами! у него же, по несчастію, лежитъ на столѣ всегда негодная доска и негодный грифель, да и глаза слабѣютъ. Впрочемъ онъ бодръ духомъ. Скоро его увидите, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая: ѣдетъ на Кавказъ, гдѣ братъ его кончилъ жизнь. Графъ Сергѣй Петровичъ бываетъ у насъ по вечерамъ еще чаще прежняго: живъ и любезенъ какъ молодой человѣкъ; уже слава Богу! ничего не ждетъ отъ Двора и думаетъ остаться въ Петербургѣ.

Вчера посѣщалъ я нашего фабулиста Крылова, у котораго покривился ротъ отъ легкаго удара: сидитъ одинъ на софѣ съ своею славою, въ ожиданіи, что будетъ какъ былъ, или совсѣмъ не будетъ.

Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и милой Екатерины. Всѣ мои усердно и дружески вамъ кланяются. Любите всегда насъ, какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и съ нами. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Сдѣлайте одолженіе, прикажите между моими книгами, лежащими въ Архивѣ, найти 3 или 4 тома *in quarto* подъ титуломъ: *Geschichte der Slaven, von Gebhard*, и доставить мнѣ скорѣе.

Царское село, 10-го августа 1823 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичь!

Съ глубокимъ сердечнымъ чувствомъ благодарю васъ за живое участіе въ моей болѣзни и въ тревогѣ моего семейства. Богъ, услышавъ особенно молитву жены моей, оставилъ меня еще жить. Оправляюсь, но все еще имѣю пѣкото- рую слабость. Нынѣшнее лѣто не такъ для насъ щастливо какъ прежнія семь, проведенныя нами въ Царскомъ селѣ: я выздоравливаю, а дѣти занемогаютъ коклюшемъ, къ нашему большому безпокойству. Эта болѣзнь такъ продолжительна, а осень близка. Впрочемъ дай Богъ только, чтобы всѣ остались живы: на безпокойство свое не будемъ жаловаться. Я не суевѣренъ, однакожъ помню, что послѣ моей *Московской* горячки также пришелъ у насъ коклюшъ на дѣтей, и что мы лишились тогда милой Наташи.—За работу кое-какъ принимаюсь, но не усердно.

Если лѣто у васъ такъ же хорошо, какъ здѣсь, то вы могли наслаждаться сельскою жизнію. Теперь и для нездоровыхъ дѣтей хотѣлось бы, чтобы прекрасное время продолжилось.

Къ вамъ недѣли черезъ двѣ будетъ Государь, котораго люблю еще болѣе прежняго: онъ принималъ столько участія въ моей болѣзни!

Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны, а васъ и любезную мою переводчицу нѣжно обнимаю. Всѣ мои вамъ усердно кланяются. Будьте здоровы и благополучны. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ, 3-го декабря 1823 г.

Почтеннѣйшій Алексѣй Ѳедоровичь!

Давно я не писалъ къ вамъ, лишая себя сердечнаго удовольствія говорить о моей неизмѣнной къ вамъ привязанности.

Мы еще недавно оставили Царское село. Новая городская квартира не очень мнѣ нравилась; однакожь чиста, тепла и суха. Жалко было только разстаться съ нашей бывшею доброю хозяйкою. Ежедневныя мои хлопоты умножились печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ Росс. Исторіи: брожу въ типографію, порчу глаза корректурами и притомъ оставляю не мало ошибокъ, къ немалой своей досадѣ. XI томъ заключается избраніемъ Шуйскаго. Дописываю ноты къ самозванцу; а тамъ примусь и за Шуйскаго, если Богъ дастъ. Хуже всего то, что на меня часто находитъ грусть неизъяснимая, безъ всякой причины, и нервы мои раздражены до крайности; но не хочу распространяться объ этомъ.

Часто говоримъ объ васъ съ любезнымъ Графомъ Сергѣемъ Петровичемъ, который сдѣлался человѣкомъ свѣтскимъ въ полномъ смыслѣ: ѣздитъ и во дворецъ и въ разные дома, даетъ обѣды etc.—Здѣсь будутъ празднества, а мнѣ хочется сидѣть въ своей норѣ. Графа Ник. Петровича ждутъ сюда въ концѣ января.

Я видѣлъ К. Юсупова, едва передвигающаго ноги отъ подагры, но обѣдающаго у Императора и вдов. Императрицы. Кажется, что дворъ будетъ у васъ около сентября, къ которому времени будутъ здѣсь обѣ Вел.

Княгини Марія и Анна Павл.; Принцесса Шарлота всѣмъ очепь нравится: умна и миловидна.—Не пишу, а мараю, ибо некому очинить пера!

Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и своей любезной переводчицы. Всѣ мои увѣряютъ васъ въ сердечной любви. Обнимаю васъ отъ души. Будьте здоровы, благополучны, и любите преданнаго вамъ

Н. Карамзина.

65.

С.-Петербургъ, 22-го января 1824 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичь!

Въ день новаго года мысленно желая всѣхъ истинныхъ благъ отсутствующимъ друзьямъ, мы думали объ васъ: дай Богъ, чтобы въ теченіе 1824 лѣта были вы совершенно здоровы душою и тѣломъ! лучшаго пожелать не умѣю ни себѣ, ни вамъ.

У насъ болѣзни не переводятся въ домѣ. Вчера, казалось всѣ дѣти были здоровы; а теперь Саша (второй сынъ) въ жару. Тяжелая зима, хотя морозы и легки.

Болѣзнь Государева насъ очень тревожила; теперь, слава Богу! она миновалась, только раны на ногѣ (отъ рожи) могутъ еще долго не зажить.

Съ С. С. Кушниковымъ (52) отправилъ я къ вамъ №1 дѣлъ Римскаго двора; могу возвратить и нѣкоторыя другія бумаги, кромѣ относящихся къ временамъ Шуйскаго и междоусобствія. Увѣдомьте, что вамъ надобно.

Спасибо вамъ за дружескіе совѣты въ разсужденіи печа-

танія: отчасти я такъ и дѣлалъ; впрочемъ полагаюсь на честность типографіи. Не жалѣю глазъ, усердно занимаясь корректурами. Набираютъ уже XI-й томъ; авось къ половинѣ марта отдѣлаюсь. Теперь совсѣмъ не пишу Исторіи; отдыхаю или грубѣю умомъ, ослабленнымъ, можетъ быть, и болѣзнію.

Позвольте, любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ, рекомендовать вамъ Г. Венкштерна, желающаго быть въ числѣ смотрителей Страннопріимнаго Шереметевскаго дома: я знаю его черезъ дружную съ нами Графиню Разумовскую съ самой лучшей стороны. Надѣюсь, что вы не попеняете мнѣ за ходатайство.

Скоро будетъ сюда Канцлеръ, весьма слабѣющій, какъ онъ пишетъ къ Графу Сергѣю Петровичу, который все еще даетъ обѣды въ своихъ жаркихъ комнатахъ и спорить о древностяхъ славянскихъ.

Нѣжно цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и у милой переводчицы. Всѣ мои увѣряютъ всѣхъ васъ въ своей душевной привязанности. Обнимаю васъ мысленно. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Ваша бѣлая водка уже вся вышла у насъ: не можете ли еще подарить намъ бутылку или двѣ?

66.

С.-Петербургъ, 15-го февраля 1824 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Сдѣлайте одолженіе, прикажите выпсать съ точностію, буква въ букву, изъ 1-го № Римскихъ дѣлъ, изъ наказа, даннаго Папою Александру Комулею на Италіанскомъ язы-

кѣ, то мѣсто, которое напечатано въ приложенномъ листочкѣ, въ нотѣ 320 десятаго тома моей Исторіи. Тутъ есть пропускъ, и напечатано *Si* вмѣсто, кажется, *Sid*, и *man-*
sa *gan*но вмѣсто *manche* *gan*но: такъ ли? буду ожидать поправки. (Нельзя ли прислать на первой почтѣ?) Около 15-го марта надѣюсь раздѣлаться съ типографіею и доставить вамъ оба тома.

Прошу также прислать мнѣ Польскихъ дѣлъ № 28—31. Нѣтъ ли у васъ еще чего нибудь относящагося къ междо-
царствію? Прошу еще вашей книжки о Пожарскомъ.

На сихъ дняхъ отберу всѣ Архивскія бумаги и книги, уже для меня не нужныя, и отправлю къ вамъ.

Государь, слава Богу! уже на ногахъ. И мы по милости Божіей здоровы.

Нынѣ балъ у Велик. Князя Н. П.

Спѣшу.—Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и милой переводчицы. Мысленно васъ обнимаю. Будьте благополучны. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Сію минуту принесли мнѣ 2 бутылки бѣлой водки: очень благодарю васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ. Этого мнѣ довольно на всю жизнь.

Сдѣлайте милость, прикажите скорѣе выписать изъ Римскихъ дѣлъ, что мнѣ надобно. Въ концѣ второй педѣли поста, авось, все отпечатается, а на третьей или на четвертой можете получить мои два тома.

С.-Петербургъ, 20-го февраля 1824 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичь!

Мнѣ почти совѣстно беспокоить васъ одною просьбою за другою: сдѣлайте одолженіе, прикажите найти между моими нѣмецкими книгамъ, оставленными въ Архивѣ, Mannerts Geographie der Griechen und Römer и еще Ueber den Verkehr der alten Welt, von Heeren, и прислать ко мнѣ. Кажется, что то и другое сочиненіе у меня было уже послѣ Московскаго пожара.—Снова извиняюсь въ докучѣ и снова обнимаю васъ съ любовію; цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и милой Катерины Алексѣевны. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Царское село, 15-го сентября 1824 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичь!

Какъ намъ больно было узнать о вашемъ сердечномъ безпокойствѣ! слава Богу, что это прошло, и что вы щастливы теперь выздоровленіемъ почтеннѣйшей Анны Петровны. Во сто разъ лучше самому страдать, нежели видѣть страданіе милаго человѣка. Въ этомъ случаѣ лѣта не притупляютъ нашей чувствительности; менѣе наслаждаемся, но не

менѣе мучаемся. Еще повторю: слава Богу! отъ глубины сердца желаемъ, чтобы вы оба отдохнули на свѣжемъ сельскомъ воздухѣ.

Я къ вамъ давно не писалъ, а безпрестанно собирался писать. Кого любишь сердечно, какъ васъ люблю, о томъ воспоминаешь часто, хотя и пишешь рѣдко, отъ какой-то лѣни, свойственной лѣтамъ преклоннымъ. Вы страдали, а мы также отъ времени до времени сильно тревожились о дѣтяхъ нездоровыхъ; теперь благодаримъ Бога.

Графа Сергѣя Петровича видѣли мы проѣздомъ изъ Москвы только на полчаса; онъ даже не успѣлъ намъ сказать о болѣзни Анны Петровны. Перечитывая ваше дружеское письмо, снова содрагаюсь: какіе два мѣсяца для вашего сердца! Прошу только Бога, чтобы вы оба были совершенно здоровы, и въ вашемъ пріятномъ Луневѣ и въ Москвѣ.

Я все еще занимаюсь трудомъ своимъ прилежно; но пишу уже послѣдній томъ, т. е. XII-й. Приходитъ время откланяться моему вѣку и доживать дни единственно для семейства. Сыновья растутъ и требуютъ, чтобы я болѣе занимался ими, нежели доселѣ.

Очень благодарю васъ за грамоту. Не найдется ли у васъ еще чего нибудь о времени Шуйскаго и междоцарствія? Что *описаніе Москвы*? — На той почтѣ буду благодарить К. Θ. Калайдовича и за Экзарха (53) и за описаніе Тушинскаго стана.

Мы еще не думаемъ о переѣздѣ въ городъ, хотя время уже и начинаетъ портиться. Можетъ быть, дождемся здѣсь Государева возвращенія.

Катерина Андр. уѣхала на день въ городъ; — но отсутствіе не мѣшаетъ мнѣ увѣрить васъ въ ея сердечной къ вамъ привязанности. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петров-

ны, уже совершенно здоровой, какъ надѣюсь. Цѣлую въ ручку и любезную мою переводчицу, а васъ нѣжно обнимаю. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

69.

С.-Петербургъ, 2-го декабря 1824 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ!

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо и сообщеніе бумагъ историческихъ, изъ которыхъ чѣмъ нибудь воспользуюсь.

Дай Богъ, чтобы злая подагра навѣщала васъ какъ можно рѣже, хотя и говорятъ, что она даетъ патентъ на долгую жизнь и будто бы избавляетъ отъ злѣйшихъ болѣзней. Надѣюсь, что вы уже выѣзжаете и собираетесь съ сплами. Есть сладость въ нестраданіи послѣ страданія; но покупается дорого.

Вы поздравляете моихъ имениницъ: мы въ этотъ день, мысленно привѣтствовали вашу милую надежду и радость.

Мы жили въ Царскомъ селѣ до 16-го ноября; слѣдственно видѣли только слѣды наводненія (54), теперь уже почти незамѣтные: Государь неумоимо благотворилъ и благотворитъ какъ истинный отецъ. Погибло около 500 чело-вѣкъ; а вещей на нѣсколько милліоновъ; трудно исчислить. Громкихъ жалобъ неслышно. Все идетъ, какъ шло. Тоже движеніе въ народѣ; купцы за своимъ прежнимъ дѣломъ. Иные бѣдные еще выиграли отъ щедротъ Царскихъ. Скоро перестанутъ и говорить о бывшемъ, въ надеждѣ, что оно

по крайней мѣрѣ 47 лѣтъ не возвратится (55). Въ сердцѣ человѣческомъ есть что-то удивительно *свѣтлое* съ бѣдствіями: все какъ съ гуся вода. Но я все еще угрюмо смотрю на Неву, желая, чтобы она скорѣе закрылась льдомъ. Будетъ ли у насъ зима? Снѣгъ валится и таетъ.

Всего болѣе тревожитъ насъ теперь нездоровье Императрицы Елисаветы Алексѣевны, столь милой всѣмъ, которые имѣютъ счастье знать Ее. Надѣмся, однакожь еще не смѣемъ успокоиться, хотя Ей, слава Богу! и лучше. Жаръ прошелъ, кашель еще остается.

Желаю какъ можно скорѣе читать описаніе *Благого города*. Я написалъ двѣ главы Шуйскаго, но уже около мѣсяца стою на одномъ мѣстѣ.

Цѣлую ручку и почтеннѣйшей Анны Петровны и бывшей именинницы. Все мое семейство увѣряетъ всѣхъ васъ въ искреннѣйшей привязанности. Обнимаю васъ мысленно, будьте совершенно здоровы и всегда любите преданнаго вамъ

Н. Карамзина.

70.

С.-Петербургъ, 25-го января 1825 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Примите сердечную благодарность за дружеское привѣтствіе. Какъ вы намъ, такъ и мы вамъ желаемъ усердно всего, что достойно желанія въ здѣшнемъ свѣтѣ, начиная съ здоровья.—Грустно знать о вашей простудѣ и подагрѣ; а я было радовался, слыша отъ Московскихъ, что вы со всѣмъ не старѣетесь, бодры и свѣжи. Будьте же какъ мож-

но скорѣе здоровы, къ нашему успокоенію! Эту грусть отъ разстроенныхъ нервъ знаю по опыту: дай Богъ, чтобы она тѣснила ваше сердце рѣже моего! Третій мѣсяцъ хилѣю и худѣю, однакожь не жалуюсь: нельзя сказать, чтобы я страдалъ. Боюсь за другихъ, а не за себя: и это слабость, но умру съ нею.

Вы спрашиваете о здоровьѣ любезнѣйшей Императрицы Е. А.: ей гораздо лучше; однакожь кашель все еще продолжается. Она не хочетъ и слышать о томъ, чтобы ѣхать въ лучшій климатъ для совершеннаго выздоровленія. — Евгенія ждутъ сюда (56). Уважаю его, хотя и не знаю въ лице. Выѣзжаю такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ, что едва ли могу пользоваться знакомствомъ этого любителя нашихъ древностей. О десятинной церкви я ничего не слыхалъ: гдѣ объ этомъ писано? читаю безпрестанно, но мало отечественнаго, читая единственно въ пищу душѣ и сердцу. Я недостойнъ восхищаться нашею литературою, даже и историческою. Кажется, искренне смиряюсь передъ вѣкомъ. — Всѣмъ семействомъ любимъ васъ сердечно. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и милой моей переводчицы, а васъ обнимаю дружески. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

71.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ!

Сердечно благодаримъ васъ, почтеннѣйшую Анну Петровну и милую переводчицу за всѣ добрыя желанія по случаю свѣтлаго праздника: платимъ вамъ такими же, и са-

мыми усердными. Грустно было намъ узнать, что вы страдали, и даже были въ опасности: неужели отъ движенія вашей подагры? или отъ простуды? Я спрашивалъ Г. Строева: онъ не могъ отвѣчать удовлетворительно. Здоровье есть важный предметъ въ жизни и въ дружбѣ. Скажу вамъ о своемъ: худѣю, и бездѣлицы раздражаютъ меня какъ ребенка, въ кругу домашнемъ; отъ свѣта же отстаю болѣе и болѣе. Устрашаюсь мысли ѣхать въ деревню Нижегородскую, гдѣ безпорядки и неплатежъ оброка: поблагодарю Бога, если какъ нибудь отдѣлаюсь отъ этой поѣздки.

Одно порученіе ваше исполнено. Графъ Ѳ. А. Толстой сказалъ мнѣ, что онъ не мыслить разстаться съ своими манускриптами до своей смерти. Я доказывалъ ему, что если отдать ихъ, то всего лучше въ Москов. Архивъ. Скорый отъѣздъ Графа Нессельрода помѣшалъ мнѣ узнать, какъ принято обозрѣніе сношеній Россіи съ Римомъ; но если буду живъ въ іюнѣ, то узнаю и посоветуюсь съ Сѣверинымъ (57), не имѣя короткаго знакомства съ Графомъ. Можете быть увѣрены только въ моемъ усердіи. Дѣло идетъ о нашей общей пользѣ. Я давно сердечно люблю Ивана Петровича и знаю цѣну такихъ трудовъ. Работа о сношеніяхъ Россіи съ Франціею говоритъ сама за себя: не сомнѣваюсь въ удовольствіи, съ которымъ ее приняли. Чтò ваша другая работа,—описаніе Москвы? И я все еще работаю: дописываю Шуйскаго.

Нѣжно, нѣжно васъ обнимаю, увѣряя всѣхъ васъ въ нашей искреннѣйшей привязанности. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

С.-Петербургъ,
17-го апрѣля 1825 г.

Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ!

Сердечно благодарю васъ. Общая горестъ наша велика. Царствованіе Александра было и славно и милостиво, а въ сердцѣ его что-то ангельское. Мы всѣмъ семействомъ были привязаны къ нему душевно, не только благодарностію, но и любовію безкорыстною. Договоръ нашъ не исполнился: давъ мнѣ слово быть покровителемъ моихъ дѣтей послѣ моей смерти, онъ предупредилъ ее своею безвременною кончиною. — Одно въ Петербургѣ и Москвѣ: слезы искреннія. Императрица М. Ѳ. поддерживаетъ себя религіею и добродѣтелію: вижу ее съ глубокимъ умиленіемъ и надѣюсь еще на милость Божію къ Россіи. Нельзя думать безъ трепета о состояніи Императрицы Е. А.: она всего лишилась! Дней десять никого не допускала къ себѣ, кромѣ К. Волконскаго (58): ни Штофрегена (59). Чрезвычайное усиліе духа ея продолжится ли? Физическія силы слабѣютъ въ ней явно, какъ пишутъ. Повторю ваше слово: «да будетъ воля Божія со всѣми нами!» — Примите и въ печали увѣреніе въ искреннѣйшемъ дружествѣ отъ всего моего семейства. Цѣлую ручку у почтеннѣйшей Анны Петровны и милой вашей Екатерины. Обнимаю васъ мысленно. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

С.-Петербургъ.

7-го декабря 1825 г.

С.-Петербургъ, 22-го апрѣля 1826 г.

Христось воскресе!

Усердно поздравляю васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ и милостивыхъ государынь Анну Петровну и Катерину Алексѣевну, съ Свѣтлымъ праздникомъ. Дай Богъ вамъ всѣмъ совершеннаго здоровья: больше, думаю, желать нечего.

Я опять умиралъ и, къ собственному моему удивленію, остался пока между живыми. Вынести жестокую болѣзнь съ тѣломъ уже изнуреннымъ, съ душою смятенною происшествіями, съ сердцемъ печальнымъ, — такъ было угодно Богу! Ему же угодно было вселить въ меня и чувство необходимости ѣхать въ лучшій климатъ для выздоровленія, что думаютъ и всѣ медики. Царь по особенной милости далъ мнѣ средства и жалуетъ даже фрегатъ, чтобы плыть на немъ въ Бордо. Искренно скажу, что не безъ сердечнаго сожалѣнія оставляю Петербургъ, гдѣ Государь и Императрицы оказываютъ мнѣ столько благоволенія; но должно опять сдѣлаться полнымъ человѣкомъ, т. е. здоровымъ. А къ вамъ, друзья Московскіе, сердце и воображеніе мое обращаются съ нѣжностію: ѣду не простясь, а возвращеніе въ рукѣ невидимой, столь неизвѣстно. Между тѣмъ срокомъ полагаемъ два года.

На сихъ дняхъ отправлю въ Архивъ ящикъ съ большею частію бумагъ и книгъ, которыя еще были у меня; удерживаю, для окончанія XII тома, весьма немногія. Мнѣ писать еще двѣ главы: наслаждаюсь мыслію изображать ха-

рактеры и дѣйствія Росс. Исторіи и любоваться вдали вершинами Аппенинскими; безъ работы, хотя самой легкой, для меня нѣтъ отдыха. Для формы напишу къ Графу Несельроду объ удерживаемыхъ мною книгахъ и бумагахъ.

Я еще очень слабъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ. На корабль думаемъ сѣсть послѣ 8-го іюня.

Съ горячностію васъ обнимаю, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, цѣлуя нѣжно руку у почтеннѣйшей Анны Петровны и милой моей переводчицы. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

Пожалуйте, скажите Графу Сергѣю Петровичу сколь высоко мы его уважаемъ и сколь истинно, горячо любимъ.

Всѣ мои—раздѣляютъ мои нѣжнѣйшія къ вамъ чувства; жены нѣтъ дома (60).

На корабль выехали съестъ послѣ 8-го июня.

Съ тою же целью, дабы не было никакого сомнения, что
доброе, чуждое, и не принадлежащее к нам, не должно
быть в нас, и не должно быть в нас, и не должно быть в нас.

Сого мы его уважаем и сего истинно, торжественно.

[illegible]

ПРИМЪЧАНІЯ.

(1) Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, Сенаторъ и Управляющій Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Род. 1763.

(2) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ; род. 16 марта 1744, ум. 1 февраля 1817. Библиотека его, въ Московскомъ домѣ его, на Разгуляѣ, (гдѣ теперь 2 гимназія), славилась повсюду. Она сгорѣла въ 1812 году.

(3) Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, предмѣстникъ Малиновскаго по управленію архивомъ, съ 1783 по 1814 годъ. Онъ родился 16 декабря 1737, ум. 20 января 1814, прослуживъ въ архивѣ 52 года. Ученые труды его извѣстны.

(4) Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, сынъ предыдущаго. Онъ издалъ множество ученыхъ трудовъ, между прочимъ Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, въ 8 частяхъ.

(5) Рихтеръ, извѣстный медикъ. Род. 1767, ум. 1822.

(6) Супруга Малиновскаго, рожденная Исленьева, воспитанница знаменитой Княгини Е. Р. Дашковой.

(7) Дочь Малиновскаго, Елисавета Алексѣевна, нынѣ вдова Князя Ростислава Алексѣевича Долгорукаго.

(8) Ѳедоръ Андреевичъ Гильдебрантъ, извѣстный медикъ; род. 1773, ум. 1845.

(9) Екатерина Павловна, Принцесса Ольденбургская, потомъ Королева Виртембергская; род. 10 мая 1788, ум. 1819.

(10) Малиновскій.

(11) Извѣстный Московскій типографикъ.

(12) Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, сынъ Задунайскаго; род. 1754, ум. 3 января 1826. Онъ былъ извѣстный ревнитель просвѣщенія и основалъ Румянцовскій музеумъ.

(13) Братъ предыдущаго.

(14) Ѳедоръ Григорьевичъ Баузе, извѣстный Московскій профессоръ. Род. 1752, ум. 1812.

(15) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій, Тайный Совѣтникъ; род. 1 августа 1769, ум. 19 февраля 1852.

(16) Извѣстный дипломатъ, другъ Карамзина.

(17) См. прим. 2.

(18) Рожденная Княжна Волконская, Екатерина Алексѣевна; род. 1754, ум. 1829.

(19) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ 1 класса; род. 8 декабря 1773, ум. 22 ноября 1844.

(20) Т. е. когда Свѣтлое Воскресенье и Благовѣщенье приходятся въ одинъ день.

(21) Это былъ первый выпускъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, въ числѣ которыхъ былъ и Пушкинъ.

(22) Иванъ Васильевичъ Малиновскій, товарищъ Пушкина, выпущенный офицеромъ въ гвардію. Отецъ его, Василій Ѳедоровичъ, былъ первымъ директоромъ лицея и умеръ 23 марта 1814.

(23) Тогда были въ большой силѣ мистики.

(24) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, извѣстный нашъ поэтъ, зять Карамзина.

(25) Члены дружескаго литературнаго общества. О немъ см. Современникъ 1856, № 5. Смѣсь. стр. 70.

(26) Бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича.

(27) Біографическія свѣдѣнія о Князѣ Д. М. Пожарскомъ. Москва. 1817.

(28) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, Тайный Совѣтникъ; род. 31 декабря 1782, ум. 29 октября 1835. Онъ былъ тогда Московскимъ почтъ-директоромъ.

(29) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ; ум. 1819.

(30) Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, Тайный Совѣтникъ.

извѣстный любитель словесности и членъ общества „Арзамасъ“ (см. пр. 25).

(31) Яковъ Васильевичъ Захаржевскій, нынѣ Генералъ отъ Артиллеріи, управляющій и донинѣ Царскимъ Селомъ.

(32) Константинъ Ѳеодоровичъ Калайдовичъ, извѣстный археологъ, нынѣ умершій.

(33) Инспекторъ лицея.

(34) Фридерикъ Вильгельмъ III.

(35) Нынѣшній Король Прусскій.

(36) Супруга извѣстнаго ученаго Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола.

(37) Павелъ Михайловичъ Строевъ, извѣстный археологъ.

(38) См. прим. 9.

(39) Журналъ 1755-1764 годовъ. С. П. б. 20 частей. Онъ издавался знаменитымъ ученымъ Миллеромъ.

(40) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Генералъ отъ Кавалеріи; род. 29 октября 1771, ум. 27 марта 1844. Онъ тогда былъ назначенъ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ.

(41) Тогда былъ конгрессъ въ Троппау.

(42) Въ Лайбахѣ.

(43) Гвардія дошла тогда до мѣстечка Бѣшенковичи.

(44) Родная тетка поэта.

(45) Братъ ея, извѣстный стихотворецъ.

(46) Старшая дочь Карамзина отъ перваго брака.

(47) Румянцовыхъ. См. прим. 12 и 13.

(48) Графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Толстой, Сенаторъ; род. 16 декабря 1758, ум. 11 апрѣля 1849. Онъ былъ извѣстный любитель древностей.

(49) Князь Петръ Александровичъ Оболенскій; род. 3 Іюня 1742, ум. 22 Мая 1822.

(50) Поэтъ Дмитріевъ.

(51) 1 декабря—день рожденія Карамзина, праздновавшійся у Ив. Петр. Бекетова.

(52) Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ, бывшій потомъ членомъ Государственнаго Совѣта; ум. 1839.

(53) Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій; изслѣдованіе К. Ѳ. Калайдовича. М. 1824.

- (54) 7 ноября 1824.
- (55) Замѣчено, что большія наводненія бывають въ Петербургѣ черезъ пятьдесятъ лѣтъ, или приблизительно.
- (56) Евгений, Митрополитъ Кіевскій.
- (57) Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ, извѣстный дипломатъ.
- (58) Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, Фельдмаршалъ; род. 26 апрѣля 1776, ум. 27 августа 1852.
- (59) Знаменитый врачъ, пользовавшій Императрицу постоянно.
- (60) Это письмо писано ровно за мѣсяць до смерти Карамзина, послѣдовавшей 22 мая 1826. Отрывокъ изъ него напечатанъ въ сочиненіяхъ Карамзина, изд. Смирдина. С. П. б. 1848, т. III, стр. 741.

ПИСЬМА ГРИБОѢДОВА

къ

СТЕПАНУ НИКИТИЧУ

БѢГИЧЕВУ.

1816—1826.

LIBRARY OF THE
BIBLIOTHEQUE

1816-1836

С.-Петербургъ, ноября 9-го 1816 г.

Любезный Степапъ! гдѣ пыпче изволптъ обрѣтаться ваше Флегмородіе? Не знаю что подумать объ тебѣ; увѣренъ, что меня любпшь и слѣдовательно помнишь, но какъ же такп пи строчки къ твоему другу. Съ меня что ли примѣръ берешь? И то неизвпнительно: я не писалъ къ тебѣ, потому что былъ боленъ, а теперъ что выздоровѣлъ—первое ппсьмо къ тебѣ. Если ты не намѣренъ прежде мѣсяца быть въ С.-Петербургѣ, то, пожалуй, потрудись не быть лѣпивымъ: обрадуй меня хоть двумя словами.

Признаюсь тебѣ, мой милый, я такой же, какой былъ и прежде, пасыпокъ здраваго разсудка; въ Дерптѣ не поѣхалъ и засѣлъ здѣсь и очень доволенъ своей судьбой, одного тебя недостаетъ. Квартира у меня славная; какъ пріѣдешь, прямо у меня остановись, на Екатер. каналѣ, у Харламова мосту, угольный домъ Валька. Да пріѣзжай же скорѣе. Неужели все заводчика корчишь? передъ кѣмъ, скажи пожалуй? у тебѣ нѣтъ матери, которой ты обязанъ казаться основательнымъ; будь такимъ, каковъ есть. Здѣсь кругъ друзей твоихъ увеличится, да и старые хороши, кромѣ того В...о...р....о....б...ь....е....в....а (1) на дняхъ спрашивала, скоро ли ты будешь и есть ли у тебѣ годовыя кресла. Было время, что я бы съ завистью это слушалъ, но теперъ прекрасный

228/2
поль меня не занимаетъ и по очень важной причинѣ. Я вѣ-
даюсь съ аптекой; какая занимательная часть формокопія! Я
на себѣ испытываю разныя спасительныя вліянія межже-
веловыхъ порошковъ, сарсепареля, сѣрныхъ частицъ и т. п.

Пріѣзжай, пріѣзжай, пріѣжай скорѣе. Въ воскресенье я
съ Истоминой (2) и съ Шереметевымъ (3) ѣду въ Шус-
терклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачил-
ся. — Сколько здѣсь портеру, и какъ дешево!

Прощай, мой другъ, пиши, коли не такъ скоро будешь.
Что это за мерзость, вичего не знать другъ объ другѣ! это
только позволительно двумъ дуракамъ, какъ мы съ тобою.

Прощай.

Доставилъ ли тебѣ

К. Алекс. 500 р.?

Андр. Семен. усерднѣйшій поклонъ.

2.

С.-Петербургъ, декабря 5-го 1816 г.

Милый другъ Степанъ! снѣшу тебя увѣдомить, что я по-
лучилъ твое письмо, видѣлся съ Дм. Ник. и съ Андр.
Семен. (4) А ты болеешь! видишь какая у меня съ тобою
равная доля! Но теперь тебѣ лучше; смотри же, какъ опра-
вишься, немѣшка пріѣзжай сюда. Алексѣй Ивановичъ Кол.
увѣряетъ, что ты намѣренъ переходить въ армію; я увѣ-
ряю, что ты слишкомъ уменъ для этого. Кто любитъ служ-
бу и желаетъ дослужиться до высшей степени, тотъ дол-
женъ быть въ Петербургѣ. Пожалуй не воображай, что я
это говорю въ мою пользу. Конечно, я буду счастливѣе, жи-
вя съ тобою вмѣстѣ, но ты самъ много выиграешь, если

не выйдешь изъ гвардіи (5). И чтожь тебя въ ней пугаетъ? что многіе поручики не брѣютъ бороды, какъ говоритъ Алексѣй Ивановичъ? поэтому стыдно быть и генераломъ, потому, что нынче большая часть генераловъ такихъ, у которыхъ подбородокъ не опушился. Или ты боишься нести большіе труды и часто излишніе? De Ligne говоритъ: *si l'exercice d'un seul bataillon ne vous transporte pas, si vous ne vous sentez pas la volonté de vous trouver partout, si vous êtes distrait, si vous ne redoutez pas que la pluie n'empêche votre régiment de manoeuvrer—donnez votre place à un jeune homme, qui sera fou de l'art des Maurice et des Eugène, qui sera persuadé, qu'il faut faire trois fois plus que son devoir pour le faire passablement.* — Притомъ здѣсь ты чрезъ 5 лѣтъ полковникъ вѣрно. А часы, дни, въ которые ты будешь свободенъ отъ службы, ты ихъ проведешь весело, съ друзьями. Тамъ, въ Иркутскомъ полку, ты не можешь имѣть друзей, ни по сердцу, ни по уму.

Прощай, меня торопятъ, нынче вторникъ, письма отдаются рано на почту. — Не лѣнься пожалуй писать — Коммуникація между нами открылась pour parler militairement. — Ты знаешь гдѣ я, я знаю гдѣ ты.

Прощай еще разъ, цѣлую тебя отъ всего сердца.

Усердный другъ твой

А. Г.

3.

С.-Петербургъ, сентября 4-го 1817 г.

Любезный другъ Степанъ! Вотъ почти мѣсяцъ какъ мы съ тобою разстались; я съ тѣхъ поръ въ первый разъ при-

нимаюсь къ тебѣ писать, и то въ тороняхъ. — Приѣмъ на почтѣ продолжается до 12 часовъ, теперь скоро однадцать. Нужды нѣтъ, если не узнаешь ничего подробнаго: по крайней мѣрѣ не будешь на двое полагать, живъ ли я или нѣтъ. — Вотъ перечень всего того, что со мной происходило со дня, какъ мы распростились въ Ижорахъ. Прежде всего прошу П...ву сказать свинью. Онъ до того меня исковеркалъ, что я на другой день не могъ владѣть руками, а спины вовсе не чувствовалъ. Вотъ каково водиться съ буйными юношами. Какъ не вспомнить псалмопѣвца: «блаженъ мужъ, ꙗже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.» Знаешь ли, съ кѣмъ я теперь живу? Черезъ два дня послѣ Ижоръ встрѣчаюсь я у Лареды съ Каверпинымъ. Онъ говоритъ мнѣ: «Что Бѣгичевъ уѣхалъ? Пошелъ съ кавалергардами въ Москву (6)? Тебѣ вѣрно скучно безъ него? Я къ тебѣ переѣзжаю.» — Мы разошлись, я поѣхалъ натурально къ Шаховскому (7); почью являюсь домой и нахожу у себя чужихъ Пенатовъ, Каверпинскихъ (8). Онъ все такой же, любитъ съ друзьями и наединѣ подвыпить, или, какъ онъ называетъ: *тринкену задать*.

Братъ твой Иркутскій полковникъ; поздравь его отъ меня, какъ увидишь. — Не ужь-то онъ явится въ полкъ? Сдѣлай одолженіе, отговори его отъ этого. У него, кажется, передъ глазами мой примѣръ. Я въ этой дружинѣ всего побылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу попасть на путь истинный. Да нельзя ли тебѣ написать къ Арсеньеву объ Шмитовыхъ деньгахъ? Ты-бы черезъ это большую пользу принесть человѣчеству: для того что у меня нѣтъ ни копѣйки, а Шмитъ вѣрно бы со мною подѣлился.

Прощай, безцѣнный другъ мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю. — На дняхъ ѣздила я къ Кирхофшѣ гадать объ томъ, что со мною будетъ; да она не больше меня объ этомъ знаетъ; такой вздоръ вретъ, хуже Загоскина комедій. — Кстати, Шаховской меня проситъ сдѣлать нѣсколь-

ко сценъ стихами въ комедіи, которую онъ пишетъ для бенефиса Валберховой (9), и я ихъ сдѣлалъ довольно удачно (10). Спишу на дняхъ и пришлю къ тебѣ въ Москву.

Прощай, отъ души тебя цѣлую. Пиши ко мнѣ, непременно пиши. Стыдно тебѣ, если меня забудешь. Поклонись Никитѣ.

Усердный поклонъ твоимъ спутникамъ Д. в. и А. б. Языковымъ, Кологривову и даже Поливанову.

4.

15-го апрѣля 1818 г.

Христось воскресе, любезнѣйшій Степанъ! а я со скуки умираю, и врядъ ли воскресну. Сдѣлай одолженіе, не дурачься, не переходи въ армію; тамъ тебѣ Богъ знаетъ когда достанется въ полковники, а ты, надѣюсь, какъ нынче всякій честный человѣкъ, служишь изъ чиновъ, а не изъ чести.

Посылаю тебѣ *Притворную невѣрность* (11) два экземпляра, одинъ перешли Катенину. Вотъ, видишь ли, отъ чего сдѣмалось, что она переведена двумя.— При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у меня только переведены сцены XII-я и XIII-я; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: *я здѣсь, все слышалъ и все знаю*, я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны. Ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я

иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ. Эту комедію собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переверано, вотъ что заставило меня ее напечатать. Однако довольно поговорено о притворной невѣрности; теперь объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непременно хотятъ послать, куда бы ты думалъ? въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отпѣкиваюсь, ничего не помогаетъ; однако я третьяго дня, по приглашенію нашего Министра, былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то ненавѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ Французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтушія лѣта свои провести между дикообразными Азіатцами, въ добровольной ссылке, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятель: не смѣйся, я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ, чего же имъ еще надобно? Словомъ, невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездія.

Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія. — Нисколько; В. С., музыканту и поэту, нужны слушатели, читатели: ихъ нѣтъ въ Персіи.... Мы еще съ нимъ кое о чемъ поговорили; всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженіе.

При лицѣ шаха всего только будутъ два чиновника: Мазаровичъ, любезное созданіе, уменъ и веселъ, а другой я, либо NN. — Обѣщаютъ тѣмъ выгоды, поощреній, знаковъ отличія, по прибытіи на мѣсто; да вѣдь дипломаты на посулъ,

какъ на стулѣ. Кажется однако, что не согласятся на мои требованія. Какъ хотять, а я рѣшился быть *коллежскимъ ассессоромъ*, или *ничьмъ*. — Степанъ, милый мой, ты хоть штабъ-ротмистръ кавалергардскій, а умный малой, какъ ты объ этомъ судишь?

5.

30-го августа, 1818 г.

На этотъ разъ ты обманулся въ моемъ сердцѣ, любезный, истинный другъ мой Степанъ. Грусть моя непроходь, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я многія имѣлъ огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было, всего жаль. — Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое въ умъ не входитъ, похоже ли это на меня? Нынче мои пмянны: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ и соименнаго ему секретаря посольства та же участь ожидаетъ, только врядъ ли я попаду въ Святые! Прощай, мой другъ; сей часъ опять въ дорогу, и отъ этого одного безпрестаннаго противоположнаго движенія въ коляскѣ есть отъ чего съ ума сойти. Увидишь кого изъ друзей моихъ, изъ знакомыхъ, напоминай имъ обо мнѣ; въ тебѣ самомъ слишкомъ увѣренъ, что никогда не забудешь.

Если случай будетъ заслать или захватить къ Гречу, подпишись за меня на полученіе его журнала. Ахъ! чуть было не забылъ: подпишись на афишки, присылай мнѣ ихъ, и когда

уѣдешь изъ Петербурга, поручи кому нибудь другому, Катенину или Жандру.—Прощай, отъ души тебя цѣлую.

У васъ нынче новый балетъ.

6.

Москва, 5-го сентября, 1818 г.

Мы сюда пріѣхали третьяго дня, а вчера я получилъ отъ тебя письмо, милый мой Степанъ; это меня утѣшило до крайности, и, однако, заставило опять вздохнуть по Петербургѣ. Здѣсь для меня все ново и, слѣдовательно, все еще пріятно; соскучиться не успѣю, потому что черезъ три дня отпавляюсь; ты уже пиши ко мнѣ въ Тифлисъ. Павлова (12) я видѣлъ, и онъ у меня побывалъ, завтра познакомить съ женою; Чебышева въ тоскѣ, Алексѣй Семеновичъ Кологривовъ скоростижно умеръ; мужа ея здѣсь нѣтъ. Чипягова ждемъ не дождемся; освѣдомься, выѣхалъ ли онъ изъ Петербурга; я справлялся на многихъ станціяхъ, въ смотрительскихъ книгахъ, имени его нѣтъ нигдѣ. Брата твоего тоже здѣсь нѣтъ, за то есть монументъ Минину и Пожарскому, и Притворную Невѣрность играютъ, и какъ играютъ! Кокошкинъ (13) вчера передо мной униженно извинялся, что *прелестные* мои стихи такъ терзаютъ, что онъ не виноватъ: его не слушаютъ; было бы что слушать. Вчера меня залобызали въ театрѣ миллионъ знакомыхъ, которыхъ ни лицъ, ни именъ не знаю.—Кстати, коль увидишь Семенову (14) (Мельпомену), скажи, что ея невѣрный князь здѣсь, и я его за нее осыпалъ упреками.....

Медвѣдева (15) здѣсь—прехорошенькая, я ей вчера въ *Сандрильонъ* много хлопалъ. Здѣшніе Готентоты ничему не

аплодируютъ, какъ будто на переکورъ Петербургскимъ, которые рады, что Богъ имъ далъ ужасныя ладони, и, при всякомъ случаѣ, готовы ими гремѣть: Надо однако согласиться, что тотъ, кто у васъ Льва играетъ, Росцій въ сравненіи съ первѣйшими здѣшними актерами.

Ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ Готен-тотовъ; это—участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ! чуть ли не больше, чѣмъ солдатъ; и этихъ тьма: здѣсь все солдаты—и на дорогѣ во всякой деревнѣ, точно завоеванный край. Можетъ и я скоро надѣну лямку: Павловъ путемъ взялся похлопотать за меня при женѣ и при Ермоловѣ, а если этотъ захочетъ перевести меня въ военную, я не прочь. Что ты объ этомъ скажешь? Пиши ко мнѣ почаще и побольше! Я поминутно объ тебѣ думаю, и послѣднія увѣщеванія очень помню, и ты можешь судить, сколько я сдѣлался оспователемъ; тотчасъ отрылъ Павлова, и на другой день по пріѣздѣ сюда отправился заказывать себѣ все нужное для Персіи. Эти благія намѣренія однако не исполнились: я заѣхалъ къ пріятелю, оттуда въ ресторацію, плотно поѣлъ, выпилъ бутылку шампанскаго и послѣ театра слегъ въ постель съ чрезвычайною головою болью. Матушка мнѣ приложила какую-то ватку съ одеколономъ, которой мнѣ весь лобъ сожгло; пынче я однако свѣжѣе, и только что всталъ, пошелъ поглазѣть на молоденькую старую знакомку, которая противъ насъ живетъ, и уже успѣлъ съ нею опять сдружиться, и, побесѣдовавши съ тобой, къ ней отправлюсь. Ахъ, Персія! дурацкая земля! Гелеръ пріѣхалъ съ Кавказа, говорилъ, что проѣзду нѣтъ: недавно еще на какой-то транспортъ напало 5,000 Черкесовъ; съ меня и одного довольно будетъ,—пріятное путешествіе!

Прощай, любезный другъ, пиши же и справься еще о паспортахъ и объ....; благодарствуй, что позаботился объ этомъ. Матушка тебѣ кланяется, сестра еще не пріѣхала, Жандръ у

насъ еще живетъ, только я не видалъ его, онъ спасался гдѣ то съ Варварой Семеновной.

Перо прескверное, и вздоръ пишу, да много.....
Вѣрный другъ твой.

7.

Москва, 9-го сентября 1818 г.

Любезнѣйшій Степанъ! письмо это пишу у твоего брата, въ присутствіи Наумова и Павлова, которые увѣрены, что я, если не въ эту минуту, такъ въ вѣкъ не успѣю отправить къ тебѣ мое посланіе. Ты можешь представить, обрадовался ли я Дмитрію Пик. Супружники его не имѣль удовольствія видѣть; говорятъ, безподобная жепщина. Постой, надобно тебѣ вкратцѣ сказать все прочее, что я здѣсь видѣль: 1) Андрея Семеновича, который у меня былъ; да, правду сказать, вотъ и все интересное; завтрашній день я пускаюсь въ путь далѣе.—Ужо, дома, побольше напишу, и это уже безъ меня доставится на почту.

Сто разъ тебя цѣлую.

Вѣрный другъ.

8.

Воронежъ, 18-го сентября 1818 г.

Сто разъ благодарю тебя, любезнѣйшій, дорогой мой Степанъ, и за что бы ты думалъ, попробуй отгадать?.... За

походную чернильницу: она мнѣ очень кстати пришлась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтобъ къ тебѣ писать. Получилъ ли ты письмо мое изъ Новгорода, другое изъ Москвы, и нѣсколько строкъ черезъ Наумова? Сдѣлай одолженіе—увѣдомъ; а паспорта ко мнѣ доставлены въ самый день моего отъѣзда изъ Москвы, въ которой я пробылъ недѣлю долѣе, чѣмъ предполагалъ. Наконецъ однако оттуда вырвался. Тамъ я долженъ былъ повторить ту же плачевную, прощальную сцену, которую съ тобою имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я бы былъ цзвергомъ, если бы не платилъ имъ такою же любовью: онѣ точно не представляютъ себѣ иного утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ. Въ Москвѣ все не по мнѣ,—праздность, роскошь, несопряженные ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ;» отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣснчалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ Миссію, и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, на сколько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ со всѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ пре-

зрѣніемъ говорила объ моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ, и ему подобнымъ. Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ нибудь ее огорчить. Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру, я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился и—ей Богу! когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ. Кстати объ родныхъ, или... все равно. Въ Тулѣ я справлялся объ Яблочковѣ, посылалъ къ Варварѣ Ивановнѣ Кологривовой, но мнѣ велѣли сказать, что они въ деревнѣ, а если отъ тебя есть письмо, то чтобы прислалъ. Жаль, что не удалось, а время было съ ними познакомиться: я въ Тулѣ пробылъ цѣлый день за недостаткомъ въ лошадяхъ, и тѣмъ только разогналъ скуку, что нашелъ въ трактирѣ на стѣнахъ тьму глупыхъ стиховъ и прозы, цѣлое годовое изданіе покойника Музеума (16). Вообще вездѣ на станціяхъ остановка; къ счастью, что мой товарищъ—особа прегорячая, бичъ на зрителей, хорошій малый; я уже увѣрилъ его, что быть Нѣмцемъ очень глупая роль на семъ свѣтѣ, и онъ уже подписывается Амбургевъ апе—ръ и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ на повалъ, а мнѣ это съ руки. Одинъ томъ Петровыхъ акцій (17) у меня въ брчкѣ, и я zelo на него и на его колбасниковъ сержусь; коли найдешь что нибудь чрезвычайно забавное въ дѣяніяхъ, пожалуй напиши, я этимъ воспользуюсь. Еще моя къ тебѣ просьба, справься: черезъ Аксиныю, Амлихову (18) любовницу, о моей Дидонѣ. Илья Огаревъ (19) пришлетъ ей изъ Костромы деньги на твое имя, а если уѣдешь въ отпускъ, препоручи это Жандру, да также зара-

нѣе меня увѣдомъ куда къ тебѣ адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный другъ; я уже отъ тебя за 1,200 верстъ, скоро еще дальше буду; здѣсь однако пробудемъ два дня, ближе не берутся починить бричекъ Катенина ты напрасно попрекаешь ко мнѣ совершенной холодностью. Онъ былъ у меня на квартирѣ на другой день послѣ того, какъ я исчезъ изъ Петербурга, и очень жалѣлъ обо мнѣ и досадовалъ. Такъ по крайней мѣрѣ рапортуетъ Аксиныя Амлиху.

9.

С-Петербургъ, 1824 года.

Братъ любезный, безцѣнный другъ мой! Ты вѣрно меньше всѣхъ готовъ былъ къ неожиданной тайнѣ моего отъѣзда, но, конечно, лучше всякаго оцѣнилъ его необходимость. Крѣпиться можно до нѣкоторой степени, еще минута и—сдѣлаешься хуже бабы; я зналъ себя, и поступилъ какъ должно, помчался неоглядываясь, и, вплоть до Клина, каждый толчокъ служилъ мнѣ лекарствомъ, облегченіемъ отъ безполезной чувствительности, уныніе превращалось въ досаду на дорогу, а потомъ въ усталость и пр. На первой станціи нашелъ я портретъ Дениса В. Давыдова, на второй картинку игрока Реньяра съ подписью приличныхъ стиховъ; какое сближеніе обстоятельствъ! Но, будь увѣренъ, что я не улыбнулся, а подумалъ о человѣкѣ, котораго мы всѣ любимъ (*). Два раза снѣгъ шелъ на дорогѣ: 29-го и 30-го мая! Я продрогъ, принужденъ было ночевать, на четвертыя сутки поспѣлъ сюда; здѣсь я уже восемь дней гуляю, коли дома,

(*) Прошу покорно Льву это не показывать.

то вѣрно одинъ другаго смѣняетъ въ моей комнатѣ, когда же со двора выхожу, то повсюду разсыпаюсь, — досугъ и воля. Всѣ просятъ у меня манускрипта и — надоѣдаютъ. Шаховской, Жандръ, Гречъ пристають, чтобъ я у нихъ жилъ, и Паскевичъ (20) въ лагерь тащить, однако учетвериться невозможно. Всѣ трое объ тебѣ часто вспоминаютъ; я обѣщался дать тебѣ знать. А вотъ и Шмидтъ сейчасъ вошелъ ко мнѣ; ты не повѣришь, какъ онъ съ благодарностію относится объ одолженіяхъ, которыя ты ему дѣлалъ. Съ Самойловымъ (21) выдаюсь. Третьяго дня сестры его, Графини Бобринской, было рожденье; я у нихъ проваль на дачѣ; музыка, дамы, шампанское, и въ старые годы меня бы оттуда не скоро вытащили, теперь — другая пора, выдаюсь по необходимости; только не могу еще тебѣ сказать ничего удовлетворительнаго на счетъ моего требованія. Наумовъ каждый день у меня бываетъ. Я черезъ него знаю объ отпускѣ моемъ и позволеніи ѣхать въ чужіе края; все это давно уже послано къ Ермолову, и здѣсь готовъ дублировать; хочу, — завтра на корабль сяду. Другъ сердечный, разрѣши отъ даннаго мною обѣщанія; свидѣться на короткое время; значить только снова растравить горькое чувство разставанія. Впрочемъ знай, что для меня, во всякомъ случаѣ, что скажешь, то и святое дѣло. Павловъ, Мадатовъ и еще одно лицо, всѣхъ ихъ поважнѣе гораздо чиномъ (съ Трубецкимъ получишь отгадку) — уморительные люди; я столько наглядѣлся смѣшнаго, и сколько низостей!

Теперь объ важныхъ людяхъ кстати. Василій Серг. Ланской, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго цензура зависитъ, мнѣ по старому знакомству вѣроятно окажется благопріятель, Алек. Сем. (22) тоже. Частію это зависитъ отъ Гр. Милорадовича; на дняхъ онъ меня угощалъ обѣдомъ въ Екатерингофѣ (23). Вчера я нашелъ у Паскевича Велик. Князя Никол. Павл.; это до цензуры не касается, но чтобъ дать понятіе гдѣ бываю, и кого вижу.

Съ Трубецкимъ буду писать тебѣ вторично и много. Анну Ивановну поцѣлуй за меня, и Софью Петровну, и Андрея Барышникова, а прочимъ всѣмъ кланяйся.

Пиши: въ Военно-Счетную Экспедицію, Андрею Андреевичу Жандру; онъ уже доставить мнѣ. — Чепаговъ здѣсь; однимъ глазомъ ослѣпъ, и другой у него чуть держится, каждый день ждетъ, что вовсе зрѣнія лишится.

Никита, братъ Александра Всеволожскаго, Александръ (24), братъ Володи Одоевскаго (25), журналистъ Булгаринъ, Мухановъ и сотни другихъ лицъ, — всѣ у меня передъ глазами. Прощай, голова вихремъ идетъ. Съ горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный другъ!

10-го іюня.

Петербургъ. Живу я у Занцата, но адресъ къ Жандру. Ужо ѣду въ Царское.

10.

1824 года.

Душа, другъ и братъ! — слава Богу, нашель случай мимо почты писать къ тебѣ. Чебышевъ взялся доставить. Онъ подговаривалъ меня вмѣстѣ прокатиться въ Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишкомъ скоры, я не успѣлъ, или, лучше сказать, не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ; будетъ же, добыюсь до чего нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ;

посмотримъ, что Богъ дастъ. Кстати, прошу тебя моего
 манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣ-
 шишься: онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ; представи
 себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше ска-
 зать, риѣмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ
 того на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую раз-
 вязку; я ее вставилъ между сценой Чацкаго, когда онъ уви-
 дѣлъ свою негодяйку, со свѣчою надъ лѣстницею, и передъ
 тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи,
 пскрами посыпались, въ самый день моего приѣзда, и въ
 этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жапдру, Хмельницкому,
 Шаховскому Гр. и Булг. Колосовой (26), Каратыгину (27),
 дай счесть—8 чтеній, нѣтъ, обчелся,—двѣнадцать; третьяго
 дня обѣдъ былъ у Столыпина, (28) и опять чтеніе, и еще
 слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму,
 восхищенію, любопытству, конца нѣтъ. Шаховской рѣшитель-
 но признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣча-
 ніемъ Віельгорскаго (29) я тоже воспользовался. Но на-
 конецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и тоже, что во многихъ
 мѣстахъ импровизирую,—да, это нѣсколько разъ случилось,—
 потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе недомекались.
 Voilà ce qui s'appelle sacrifier à l'intérêt du moment. Ты,
 безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь твоего Александра;
 подпвисъ гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелоч-
 ной задачѣ, вовсе не сообразной съ ненасытностью души,
 съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ
 познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣстъ и занятій, къ людямъ и
 дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и гово-
 рить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему нибудь выс-
 шему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что
 грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ
 кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! прилична ли спѣсь
 тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій? Перебью
 себя: это выходка не въ пору, будетъ въ пору, когда от-

сюда вырвусь. Теперь стану продолжать, какъ началъ, кратко и складно, и опять объ кулисахъ, и опять объ актрисахъ. Колосова, по личностямъ съ однимъ изъ членовъ Комитета, еще не заключила новаго условія, и при мнѣ не выходила на сцену, но у себя читала мнѣ нѣсколько сценъ Мольера и Мариво. Прекрасное дарованіе! иногда замѣтно, что копія, но мѣстами забывается и всякаго заставить забыть. Природа свое взяла, пальма въ комедіи принадлежитъ ей неотъемлемо. Разумѣется, что она въ свою очередь плѣнилась моимъ чтеніемъ; незнаю, искренно-ли? можетъ быть и это—восклиданія изъ Мариво. Но геніальная душа, дарованіе чудное, теперь еще грубое, само себѣ безотчетное, дай Богъ напитаться ему великими образцами, это—Каратыгинъ; онъ часто у меня бываетъ, и какъ всякая сильная черта въ словахъ и въ мысляхъ, въ чтеніи и въ разговорѣ его поражаетъ! Я ему читалъ въ плохомъ французскомъ переводѣ, 5-й актъ, и еще нѣсколько мѣстъ изъ Ромео и Юліи Шекспира; онъ было съ ума сошелъ, просить, въ ногахъ валяется, чтобъ перевести, коли полѣнюсь, такъ хотъ послѣдній актъ, а прочіе Жандру дать, который впрочемъ нѣсколько меня не прилежниѣ. Я бы съ нимъ готовъ вмѣстѣ трудиться, но не думаю, чтобъ эти литературныя товарищества могли произвести что нибудь въ цѣломъ хорошее; притомъ же я стану переводить съ подлинника, а онъ съ дурнаго списка; сладить трудно, перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнѣе написалъ собственную трагедію, и лишь бы отсюда вонъ, напишу непременно.

Однако замѣть, что я поглупѣлъ здѣсь: три страницы написалъ, а главное, объ чемъ съ первой строки хотѣлъ и теперь хочу навѣдаться, улетѣло на воздухъ за безконечными толками о чтеніи и представленіи, объ шутахъ и шутовствѣ.

Что ты самъ, мой другъ? какъ провелъ время . . . ? ты мнѣ объ этомъ скромничаешь; объ Аннѣ Ивановнѣ го-

воришь только, что на дняхъ будетъ матерью, что я и безъ тебя знаю, а какова оза? Терпѣливо ли ждетъ роковой минуты? Боже оборони, не страдаетъ ли по прежнему? не боится ли? Можетъ быть теперь уже все рѣшилось? Пиши мнѣ тотчасъ. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашескія, искреннія желанія и обѣты доходятъ до Господа Бога, такъ никому въ свѣтѣ легче ея не рожать. Я врагъ крикливаго пола, но двѣ женщины не выходятъ у меня изъ головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю ихъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ молитвахъ. Да еще скажи ей, коли намъ въ четверомъ съ Соф. Петр. бывало весело, такъ конечно во сто разъ будетъ веселѣе, когда дитя ея станетъ переходить съ рукъ на руки, отъ матери къ отцу, а отъ отца (потому что не умѣетъ быть нѣжнымъ съ дѣтьми) тотчасъ ко мнѣ. Пстой, однако, и пишу и боюсь; лучше ничего не говори ей, до поры, до времени, а только кланяйся и подѣлуй, также и Соф. Петр. дружеское объятіе и поклонъ низайшій.

Прощай. Хотѣлъ было еще писать тебѣ о Катенинѣ и объ его Андромахѣ (30): я лучшія мѣста списалъ для тебя. Но какимъ оно дурнымъ слогомъ въ ухо бьетъ, кромѣ 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И какъ третій актъ превосходенъ, несмотря на дурной слогъ! Впрочемъ я дурное замѣчаю тебѣ для того только, что въ печати это скорѣе всего замѣтятъ; на сценѣ оно скрадется хорошимъ чтеніемъ; вообще какъ бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать повода къ придиркамъ. Славный человекъ, умъ превосходный, высокое дарованіе, пламенная душа, и все это гибнетъ втунѣ. Прощай, пожалуйста отпусти, не могу отвязаться, болтаю какъ 60 лѣтняя старуха. Пуквило не могъ еще достать, запрещенъ; есть онъ у Столыпина и Дашкова, но, разумѣется, они не продадутъ. Коли увидишь сестру Машу, дай ей мое письмо, пусть начитается до-

сыта, а потомъ разорви на клочки. Я ничего объ моихъ не знаю, въ Москвѣ-ли они, въ деревнѣ-ли? Дмитрія, красоту мою, разцѣлуй, такъ чтобы еще болѣе зардѣлись пухлыя его щечки. Александру Васильевну тоже, Дениса и Льва и весь освященный соборъ. Верстовскому напомни обо мнѣ, и пожми за меня руку.—Представь, что я сей часъ только вспомнилъ объ Маврахъ; бѣгу въ цензуру.

1,000 рубл. я не получалъ, а нужда смертная. Похвали меня: пріѣхалъ сюда ровно съ тысячею рублями, три бѣленькихъ 25 рублевыхъ и нѣсколько синихъ ведутся, живу въ трактирѣ, сперва обѣдалъ каждый день въ клубѣ, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

11.

31-го августа 1824 г.

Братъ любезный! Не ѣду къ тебѣ, и не пишу тебѣ, совѣсть мучить. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движеніе было къ тебѣ летѣть, поздравить и обнять крѣпко на крѣпко: мать, отца и весь домъ; право, ходя по комнатѣ, я уже у васъ былъ, нянчилъ ребенка, шалилъ съ кормилицею, но проклятый недочетъ въ прогонахъ все испортилъ, взять было неоткуда, Левъ и Солнце (31) давно уже покоятся въ ломбардѣ, а Чебышеву задолжать—сохрани меня Боже! Я отъ него сюда бѣжалъ въ Стрѣльну; представь себѣ, что онъ вздумалъ ко мнѣ приписаться въ самые нѣжные друзья, преслѣдовалъ меня экстазами по улицамъ и театрамъ, и наконецъ переѣхалъ въ три номера ДемUTOва трактира и всѣ три возлѣ моей комнаты: два по сторонамъ и одинъ антресоли; каково же

встрѣчать вездѣ Чебышева! по бокамъ Чебышевъ! надъ головою Чебышевъ! Я, не говоря ему ни слова, велѣлъ увязать чемоданы, сѣлъ въ коляску, покатился вдоль поморія, и присталъ у Одоевскаго, будто на перепутіи; много верхомъ ѣзжу, катаюсь по морю; дни прекрасные, жизнь свободная!

Не сердись, мой истинный другъ; гдѣ бы я ни затерялся, первый ты на умѣ и на языкѣ. Нѣтъ у меня ни жены, ни дочери. Думою принадлежу тебѣ одному. Прощай.

Вѣрный другъ.

А. Г.

Стрѣльна.

12,

С. Петербургъ, 4-го января 1825 г.

Другъ и братъ! Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра — не спится. Нынче день моего рожденія, — что же я? На полпути моей жизни, скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники.

Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и вѣнчанья, но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачества, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ, и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный, я еще не совсемъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и — на долго. Даже насчетъ любви моей будь беззаботенъ; я расхолодѣлъ, хотя моя Людмила часъ отъ часу болѣе ко мнѣ жметъ. 1 № Сына Отечества разгадалъ тебѣ загадку. Скажу тебѣ коротко, какъ это все завяза-

лось. Долго я жилъ уединенъ отъ всѣхъ; вдругъ тоска выѣхала на бѣлый свѣтъ (?)—куда, какъ не къ Шаховскому? Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно гулять смѣлою рукою по любящему пуху милыхъ друзей. Въ три, четыре вечера, Т (32) меня съ ума свела, и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни черпѣе угля выгорѣлъ.—И что для меня заманчиво было, что соперникомъ у меня—Милорадовичъ, ... идолъ Шаховскаго, который ему подличаетъ. Оба, ...! Я этого бѣсилъ ежедневно, возбуждалъ противъ себя негодованіе всего дома, потомъ стрѣлялъ какимъ нибудь тряпичнымъ подаркомъ въ Ежову (33), и опять мирился, и опять ссорился. Между тѣмъ Т* до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться; всякій спрашивалъ ее, отъ чего такая прелестная переменна, такое совершенство. А я одинъ, стоя, торжествовалъ; наконецъ я *разразился* рѣчами, которыя ты вѣроятно читалъ. Представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобъ не разочароваться. Или то меня съ ногъ сшибло, что теперь не такъ закрыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечаталъ мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ не въ радость. Разсмѣйся.

Братъ! Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя пошщу прибѣжища, не отъ бурей, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!

Прощай, мой другъ; побывай у матушки. Любовь во второй разъ, вмѣсто чужихъ краевъ, опредѣлила мнѣ кинуть между своими Финнами. Въ 15 и 16-мъ году точно тоже было. Теперь я пропустилъ славный случай: Жомини хотѣлъ со мною путешествовать. — Mais en attendant, qu'il faisait je malles, je faisais l'amour, и онъ укатилъ одинъ.

Получилъ ли ты мое письмо на дняхъ? и какимъ образомъ не дошла до тебя моя и Шаховскаго эпистола, вскорѣ послѣ наводненія? Пиши, братъ, не лѣнись, поправь ка черныи колпакъ на головѣ, да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежитъ дома еще за прошлый годъ; выручи ее, братъ, въ уплату 2,300, или подождешь? Ты вѣдь замышляешь о расширеніи своихъ владѣній, такъ монета нужна. Дениса Васильевича (34) обнимаи и души отъ моего имени. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ эдакой буйной и умной головы, я это всѣмъ твержу; всѣ они, сонливые меланхолики, не стоятъ выкурки изъ его трубки. Дмитрію, Александрѣ Васильевнѣ, Аннѣ Ивановнѣ, чадамъ и домочадцамъ многія лѣта.

13.

1825 года.

Здравствуй, любезный другъ Степанъ! Не собратъся бы мнѣ къ тебѣ писать, если бы не сидѣлъ я у Грибоѣдова, а всякій день было въ головѣ непременно писать къ тебѣ и много; и такъ еще

Жандръ (у А. В. Новосильцева).

Вотъ тебѣ Жандровы строки, другъ и братъ; онъ у меня нынче обѣдаетъ, и я принудилъ его начертить тебѣ нѣсколько каракулей. О себѣ нечего тебѣ сказать, живу и люблю тебя по прежнему; что въ городѣ дѣлается,—не знаю, и знать не хочу. Сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ что нибудь о вашемъ Каковъ ? И что онъ проповѣдуетъ?

Катенинъ изъ своего уединенія Богъ знаетъ какой бредъ сюда высылаетъ. Напр. разговоръ Булгарина (35), который ты оцѣнилъ по достоинству, онъ весь на свой счетъ беретъ, какъ самое язвительное злоумышленіе противъ Андромахи. О, его и наше вообще самолюбіе!

Сюда явился Павловъ изъ Тифлиса, да, жаль, ... и ничего не знаетъ. Прощай.

Обнимаю тебя на крѣпко.

Вѣрный твой у Новосильцова.

А. Г.

Венцеслава велю переписать и пришлю къ тебѣ.

14.

С.-Петербургъ, 18-го мая 1825 г.

Безцѣнный другъ и братъ! Ты не досадуй, что я до сихъ поръ позамедлилъ отвѣтомъ на милое твое письмо, съ приложеніемъ антикритики противъ ***. Ты уже вѣрно изъ газетъ знаешь, что Столыпинъ, съ которымъ я въ путь соби-
рался, умеръ. Мы бы его похоронили и все тутъ, но вдова его—(36), ангелъ, а не женщина; одно утѣшеніе находить быть со мною. Это съ ея стороны довольно мечтательно, но ихъ поль не то, что мы; сама она же говоритъ, что всякая женщина, какъ плющъ, должна обвиваться вокругъ кого нибудь, и безъ опоры погибнетъ. Отъ меня слишкомъ бы жестоко было лишить ее (хоть это и не можетъ продолиться) моего присутствія въ ту самую минуту, въ кото-

рую оно ей необходимо, и я покуда остаюсь. Бѣдное
человѣчество! Что наши радости и что печали? Какъ бы то
ни было, я не долго замѣшкаюсь. Ее со всѣмъ семействомъ
отецъ Н. С. Мордвиновъ перевезетъ къ себѣ на дачу; тог-
да и я свободно помчусь *наконецъ*.

Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой.
Благодарю тебя и за намѣреніе и за исполненіе. Я
твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всѣ ею были
очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отка-
зался ее печатать, такъ конечно не отъ того, чтобы въ ней
чего нибудь не доставало. Но слушай. Я привыкъ тебя
уважать; это чувство къ тебѣ вселяю въ каждого новаго мо-
его знакома; какъ же ты могъ думать, что допущу тебя
до личной и публичной схватки и все это за че-
ловѣка, который бы хотѣлъ, чтобы всѣ на тебя смотрѣли
какъ на лице высшаго значенія, неприкосновенное, друга,
хранителя, котораго я избралъ себѣ съ ранней молодости,
какъ отчасти по симпатіи, такъ равно столько же по до-
стоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ
нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою
здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да
и коли я талантомъ и чѣмъ нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ
свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ
перелью въ моего почитателя. — И такъ плюнь;
въ одномъ только случаѣ возмись за перо въ мою защиту,
если я буду въ отдаленіи, или умру прежде тебя, и кто ни-
будь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и по-
ступки. Теперешній твой манускриптъ оставляю себѣ на
память.

Вильгельмъ (37) третьяго дня разбудилъ меня въ четвер-
томъ часу ночи, я уже засыпалъ глубокимъ сномъ; на дру-
гой день, — поутру, въ седьмомъ; оба раза испугалъ меня до
смерти, и извинялся до безконечности. Но дѣло не шу-
точное: побранился съ Львомъ Пушкинымъ (38), хочетъ

даться; вѣроятно я ихъ примирю, или сами уймутся. Узнаешь ли ты нашего неугомоннаго рыцаря?

Прощай. Нынѣшній вечеръ играютъ въ школѣ, приватно безъ дозволенія цензуры, мою комедію. Я весь день вѣроятно проведу у Мордвиновыхъ, а часовъ въ девять явлюсь посмотрѣть на мое чудо, какъ его коверкать станутъ. — Журналисты повыспились въ моихъ глазахъ 5-ю процентами; очень хлопчуть за Кюхельбекера, приняли его въ сотрудники, и, кажется удастся опредѣлить его къ казенному мѣсту. У Шишкова не удалось, въ Почтамтѣ тоже, и въ Горномъ-Департаментѣ, но гдѣ нибудь откроется щелка.

Сейчасъ помирилъ Вильгельма. — Съ той минуты перебивало у меня 20 человѣкъ, голову вскружили. — Прощай.

Обнимаю тебя и любезную Анну Ивановну.

15.

Кіевъ, 4-го іюня 1825 г.

Другъ и братъ! описывать тебѣ Кіева нечего, потому что ты здѣсь бывалъ; другимъ же я передалъ въ Петербургъ первыя мои впечатлѣнія по пріѣздѣ сюда. Тебя увѣдомляю, что я тутъ и черезъ нѣсколько дней помчусь на югъ далѣе. — Въ Лаврѣ я встрѣтилъ Кологривову Д. А. Отъ нея узналъ что твоя сестра живетъ въ уединеніи недалеко отъ дому, гдѣ я остановился. Вѣроятно я ее не увижу, потому что несвятостью моего житія бурнаго и безтолковаго не пріобрѣлъ себѣ права быть знакомымъ съ молчаливыми пустынноцами; у меня въ наружности гораздо болѣе свѣтскаго, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, но что же ее объ этомъ увѣдомлять? И такъ врядъ ли я буду къ ней допущенъ. — Про-

щай покуда; передъ отъѣздомъ можетъ быть еще разъ удастся написать къ тебѣ.—Поцѣлуй за меня дитя свое и Анну Ивановну.

Вѣрный другъ твой.

Пиши ко мнѣ въ Тифлисъ,
на имя Губернат. Романа
Ивановича Ховена.

16.

9-го сентября 1825 г.

Симферополь.

Другъ и братъ; Твои 1,500 р. я получилъ еще передъ исходомъ прошедшаго мѣсяца. Объяснить тебѣ вполнѣ благодарности не умѣю; безъ тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здѣсь. — Еще разъ благодарю тебя и не въ послѣдній; Богъ дастъ свидимся, и тогда сердечное объятіе лучше всякаго письма выразить тебѣ мое чувство.—Я тотчасъ не писалъ къ тебѣ по важной причинѣ: ты хотѣлъ знать, что я съ собою намѣренъ сдѣлать, а я самъ еще не зналъ, чуть было не попалъ въ Одессу, потомъ думалъ поселиться на долго въ Соблахъ, неподалеку отсюда. — Наконецъ ѣду къ Ермолову послѣ завтра непременно; все уложено. Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ.—Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать—за это ручаюсь; отъ чего же я нѣмъ? Нѣмъ какъ гробъ!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ ни-

будь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось недалѣе сутокъ, потому ли что фортопіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили; ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга. — Мало этого. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Сколозуба, слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу злодѣйство! да мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!... И то неправда, иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои рѣшѣныя, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить; такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь свою прокатиться на 4-хъ колесахъ; кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ, воображеніе свѣжѣе, какой то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ..... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завьюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. — Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности. Сдѣлай одолженіе, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечелъ, но увѣренъ, что тутъ много сумасшествія.

Прошу у тебя какъ милостыни, не прерывай со мною переписки, чтобъ я зналъ гдѣ ты, потому что легко станется, что я по многимъ странствіямъ прямо къ тебѣ вернусь, и тѣмъ лучше, коли ты въ деревнѣ будешь. — Адресъ мой въ главную квартиру Г. Ермолова.

Отъ чего я туда пускаюсь что-то скрѣпя сердце. Уви-

дишь, что мнѣ тамъ не сдобровать: надо мною носятся какіе-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, тѣ, которые его отовсюду выживали, и присунули наконецъ къ печатному станку Греча и Булгарина. — Прощай, поцѣлуй Анну Иван. и ребенка и будущаго на дняхъ когда родится.

О Чатырдагъ и южномъ берегу послѣ, со временемъ. Прощай, мой безцѣнный Степанъ.

Володя (39) пишетъ ко мнѣ въ Кіевъ о полемической выходкѣ за мою честь въ Телеграфъ, но мнѣ никогда этого не случалось видѣть. — Ты вѣроятно читалъ; какъ находишь? Да получилъ ли ты мое письмо еще изъ Петербурга о твоей тогдашней статьѣ въ мою же защиту, и какъ ты принялъ мое мнѣніе? Правъ ли я былъ? Не слыхалъ ли чего нибудь о Шатиловѣ и Алябьевѣ? Чѣмъ кончилась ихъ дѣло? Пожалуйста, въ первомъ письмѣ ко мнѣ поболтай о чемъ нибудь, а то скупъ сталъ на слова.

Давыдова памфлета я не получилъ, и нѣтъ его на почтѣ. Ты жалуешься на журналы; стало быть я счастливъ, что съ мая мѣсяца ихъ въ глаза не видалъ.

Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ; поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого себя. — Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію, таковъ онъ совершенно. — Плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ.

Коли зимою ворочусь въ Москву, и ты тамъ будешь, такъ заберусь къ Дмитрію въ Якшино.

12-го сентября 1825 г.

Теодосія.

Третьяго дня я вырвался наконецъ изъ дряннаго городишка, гдѣ однако всякое со мною случалось, и веселое и грустное. А Брестъ!! Литовскій! вѣроятно нѣтъ хуже мѣстечка на взглядъ, но и тамъ пожилось. Въ нѣсколько часовъ я прокатился по солнышку до Карасубазара, и еще станцію далѣе; справа чернѣлись верхи Айлы и Чатырдага, потомъ передовые холмы ихъ заслонили въ виду продолговатый Агермышъ. Мы спустились въ какую-то бесплодную ложбину, и долго тутъ ѣхали; наконецъ повернули круто отъ селенія Эльбузы въ горныя дикія мѣста, гдѣ дорога просѣчена разными извивами. Густые лѣса, кручи, скалы, хаосъ ужасный, все смѣшано въ этомъ искривленномъ направленіи. (Наконецъ) спустились подъ вечеръ въ роскошную Судацкую долину. Я не видалъ подобной, и она считается первою въ полуостровѣ по избытку виноградниковъ, — сады отъ Таракташа до моря на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, веселые домики помѣщиковъ, странные верхи утесовъ и къ западу уединенныя развалины Генуэзскаго замка. Я ночевалъ у барона Боде (Публициста изъ Духа Журналовъ etc, etc.)

На другой день (вчера) рано побрелъ къ мысу, на которомъ разметаны Сольдайскія руины. Я былъ одинъ, Александра отправилъ по колясочной дорогѣ въ Кафу. Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ, не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ

испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забытья, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно. Не такъ въ Сольдаѣ. Мирно и почтительно взошелъ я на пустырь, обнесенный стѣнами и обломками башень, цѣплялся по утесу, нависшему круто въ море, и бережно взобрался до самой вершины, и тамъ башня и сводъ уцѣлѣли. Съ Чатырдага видъ пространнѣе, но нѣтъ признака, чтобы тамъ люди живали, уцѣлѣ городъ, чтобы стекались въ него купцы и странники изъ всѣхъ частей свѣта, чтобы наконецъ онъ взять былъ на щитъ разсвирѣпѣвшимъ непріателемъ, и груды камней однѣ бы свидѣтельствовали о прежней величавой его жизни. Здѣсь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебиралъ мысленно многое, что слыхалъ и видѣлъ, потомъ вообразилъ себя на одной изъ ростральныхъ колонъ Петербургской биржи. Оттуда я наканунѣ моего отъѣзда любовался разноцвѣтностію кровель, позолотою главъ церковныхъ, красотою Невы, множествомъ кораблей и мачтъ ихъ. И туда взойдетъ нѣкогда странникъ (когда одинъ столбъ можетъ быть переживетъ разрушеніе дворцовъ и соборовъ) и посѣтуетъ о прежнемъ блескѣ нашей сѣверной столицы (нашихъ купцовъ, нашихъ Царей и ихъ прислужниковъ.)— Когда я сошелъ сверху къ берегу, лошади были приведены съ почты, и я поскакалъ. Скучныя мѣста, безъ зелени, безъ населенія, солонецъ, истресканный палящимъ солнцемъ, мѣстами полынь растетъ, так. обр. до Козской долины, гдѣ природа щедрѣе и разнообразнѣе. То глубокіе спуски въ лѣсную чащу, дубы (осокори), дикія груши, дикій виноградъ, потомъ крутые подъемы, и съ высоты виднѣется море, котораго синяя влага въ ведреную пору всегда для глазъ пріятна; мѣстами торчали обрушенныя, ветхія стѣны Италіянцевъ, Грековъ или Готѣовъ, смотря потому, кто ка-

кія книги читаетъ и которымъ вѣритъ. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мнѣ *Оттузы*. — Сюда я прискакалъ поздно ночью, при лунномъ сіяніи.

Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазапокъ! Отчего однако воскресло имя *Θεοδοσίη*, едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ, и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ Европейскихъ и восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсю Турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами—духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытого, неперекопаннаго. Чтожь? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ Русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія.

А мнѣ между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя, вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. — Пора умереть! Не знаю отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та *ипохондрія*, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любить, и пуще моего будетъ несчастливъ, коли узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ изба-

внѣ себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

18.

Станица Екатериноградская, 7-го декабря 1825 г.

На убѣдительныя твои утѣшенія и совѣты надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами, дражайшій мой Степанъ. Ты совершенно правъ, но этого для меня недовольно, ибо, кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какій-то внутренній распорядитель; наклоняетъ меня ко мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ же, что въ Θεодосіи: не знаю чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно. — Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь ихъ наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? Чтобы дальше не ювничать, пускаюсь въ Чечню: А. П. (40) не хотѣлъ, но я самъ ему навязался. — Теперь это меня нѣсколько занимаетъ, — борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ, дѣйствіе конгревовъ; будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на Исторію. На счетъ А. П. объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и своеобычливѣе, чѣмъ когда либо. Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукою во время виста; уйти некуда, всѣ стѣснены въ одной комнатѣ; но потомъ за ужиномъ и послѣ до глубокой ночи разговорчивъ, оригиналенъ и необыкновенно пріятенъ. Нынче, съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе ди-

влюсь его сложенію тѣлесному и нравственному. Безпре-
 станно сидить, и не знаетъ почечуя, окруженъ глупцами и
 не глупѣть. Нужна оговорка: Вельяминовъ, его Начальникъ
 Штаба, чрезвычайно неглупый человѣкъ, твердыхъ пра-
 виль, прекраснѣйшихъ свѣдѣній etc. Но онъ не былъ при
 немъ все время, что я находился въ Россіи, почти 3 года.
 Съ этимъ я въ нынѣшній пріѣздъ въ короткое время сбли-
 зился болѣе, чѣмъ прежде. Глазъ на глазъ, судьба завела
 меня съ нимъ на Малку, и оттуда къ разнымъ укрѣпле-
 ніямъ новой линіи; все вмѣстѣ, и все одни, я этому случаю
 благодаренъ за прекраснѣйшее открытіе достойнаго человѣ-
 ка. Что говорить о немъ Якубовичъ? Коли ругаетъ, такъ
 вретъ. Вообще многое, что ты слышалъ отъ меня прежде,
 я нынѣче перевѣрилъ, во многомъ я самъ ошибался. Напр.
 на счетъ Давыдова, мнѣ казалось, что Е. не довольно на-
 стаивалъ объ его опредѣленіи сюда въ дивизіонные. Теперь
 имѣю неоспоримыя доказательства, что онъ нѣсколько разъ
 настоятельно этого требовалъ, получалъ одни и тѣже отка-
 зы. Зная и Давыдова и здѣшнія дѣла, нахожу, что это не-
 маловажный промахъ Правительства. Сталъ былъ безкоры-
 стень, а кромѣ того Лисаневичъ храбрѣйшій чело-
 вѣкъ, но опрометчивъ, умеръ геройски, жилъ безъ толку.
 Горчаковъ, Шульгинъ и не болѣе.
 Здѣсь нуженъ военный человѣкъ, рѣшительный и умный,
 не только исполнитель чужихъ предначертаній, самъ тво-
 рецъ своего поведенія, недремлющій наблюдатель всего, что
 угрожаетъ порядку и спокойствію отъ Усть-Лабы до Ан-
 дреевской. Загляни на карту и суди о важности этого на-
 значенія. Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ бы ошибки
 самого А. П., который притомъ не можетъ быть самъ по-
 всюду. Эта краска рыцарства, какою судьба оттѣнила ха-
 рактеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему Кабардин-
 цевъ. Я теперь лично знаю многихъ князей и узденей. Двухъ
 при мнѣ застрѣлили, другихъ заключили въ колодки, загна-

ли сквозь строй; на одного я третьего дня набрелъ за рѣ-
кою, висить, и вѣтеръ его медленно качаетъ. Но дѣйстви-
вать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно
строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ зна-
менами побѣдителей. Посмотримъ, чѣмъ кончится походъ
противъ Чеченцевъ; ихъ взволновалъ не столько Имамъ, про-
рокъ недавно вдохновенный, какъ покойный Грековъ, спо-
собный человѣкъ, но Войска точно мало, но хо-
рошихъ пачальниковъ вовсе нѣтъ. Съ успѣхами въ Чечнѣ
сопряжена тишина здѣсь между Кабардинцевъ и Закубан-
цы не посмѣютъ такъ часто вторгаться въ наши границы,
какъ прошлою осенью. Имя Е. еще ужасаетъ; дай Богъ
чтобы это очарованіе не разрушилось. Въ Чечню! Въ Чечню!
Здѣсь война особаго рода: главное затрудненіе въ дебряхъ
и ущельяхъ отыскать непріятеля; отыскавши, истребить его
ничего не значить.

Прощай, я завлекся тѣмъ, что передъ глазами; все это
нескладно, но ты добавишь собственнымъ размышленіемъ.
Цѣлуй Анну Ивановну и Дмитрія. Мнѣ бы хотѣлось изъ
похода, т. е. мѣсяца черезъ два прямо къ вамъ воротиться,
а впрочемъ что Богъ на душу положить. Пиши въ главную
квартиру, на имя А. П.

19.

9-го декабря 1826 г.

Милый другъ мой! Плохое мое житіе здѣсь. — На войну
не попалъ, потому что и А. П. туда не попалъ. А теперь
другаго рода война. Два старшіе Генерала ссорятся, а съ
подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлад-

денія прежней дружбы. Денисъ Васильевичъ этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ человѣкъ прошедшаго вѣка.
Вообще война съ Персіянами самая несчастная, медленная и безвыходная. Погодимъ и посмотримъ.

Я на досугѣ. Кое что пишу. Жаль, что не въ сплахъ распространиться тебѣ о себѣ и о моихъ созданіяхъ. — Сей часъ изъ обѣда, а завтра Давыдовъ возвращается. — Я принялъ твой совѣтъ: пересталъ умничать; со всѣми выдаюсь, слушаю всякій вздоръ, и пахожу, что это очень хорошо. Какъ нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ больше ли толку, Тифлискаго или Петербургскаго. Тебя не браню за упорное молчаніе, угадываю причины; однако коли въ Москвѣ будешь, схвати удобный случай, и напиши. Мазаровичева получила пѣжныя представленія отъ своей сестры Зыбиной или Зубковой въ пользу Дурнова, и намѣрена передать ихъ моимъ. Что объ этомъ знаешь? Кончено или вновь завязалось?

Буду ли я когда нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ стать на перекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконецъ, что слава? по словамъ Пушкина

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омпра. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе наши Сардары; я думаю даже,

что они их ненавидятъ. *Voyons ce qui en sera.* Если ты будешь имѣть случай достать что-нибудь новое, пришли мнѣ въ рукописи. Не знаешь ли что-нибудь о судьбѣ Андромахи? напиши мнѣ. Я въ ней такъ же ошибся. Когда-нибудь, и можетъ быть скоро, свидимся, ... ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди. Вспомни нашъ разговоръ въ Екатериненскомъ (41). — Теперь выкинь себѣ это все изъ головы. Читай Плутарха, и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторяются. — Когда будешь въ Москвѣ, попроси Чаадаева (42) и Каверина, чтобы прислали мнѣ трагедію Пушкина *Борисъ Годуновъ*.

Прощай, цѣлую Анну Ивановну и мою невѣсту. Тебя, мой милый, люблю съ каждымъ годомъ и мѣсяцемъ болѣе и болѣе. — Но что проку? Мы не вмѣстѣ. — (И жалѣть надобно меня.) Ты не одинъ.

Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратить мнѣ мой манускриптъ *Горе отъ ума*. Дмитрія и Александру Васильевну обнимаю. Въ перепискѣ ли ты съ Андреемъ? Онъ отъ меня ни строчки не имѣетъ. Невозможно.

—

ПРИМЪЧАНІЯ.

(1) Елена Яковлевна Воробьева, въ послѣдствіи супруга извѣстнаго артиста Ив. Ив. Сосницкаго. Эта прекрасная актриса скончалась въ 1855 году.

(2) Авдотья Ильинична Истомина, извѣстная танцовщица, вышедшая потомъ замужъ за актера Екунина. Ее воспѣлъ Пушкинъ въ 1 главѣ Онѣгина. Она умерла въ 1848 году.

(3) Василій Васильевичъ Шереметевъ, кавалергардскій офицеръ. Въ 1817 году онъ умеръ отъ раны, полученной на дуэли съ графомъ Александромъ Петровичемъ Завадовскимъ, за Истому. У Шереметева былъ секундантомъ извѣстный Якубовичъ, у Завадовскаго Грибоѣдовъ. Въ 1818 году оба секунданта встрѣтились въ Тифлисѣ. Якубовичъ обвинялъ Грибоѣдова въ дуэли и смерти Шереметева, дрался съ нимъ и ранилъ въ мизинецъ лѣвой руки, при чемъ сказалъ: „не будешь больше играть на фортепьянахъ.“ Грибоѣдовъ однако остался прекраснымъ музыкантомъ, хотя палецъ и былъ сведенъ. Трупъ убитаго въ 1829 году Грибоѣдова былъ такъ обезображенъ, что его узнали только по этому сведенному пальцу.

(4) Андрей Семеновичъ Кологривовъ, извѣстный генералъ, бывшій начальникъ Грибоѣдова въ Брестъ-Литовскѣ, во время службы въ Иркутскомъ гусарскомъ полку его и Бѣгичева.

(5) Ст. Ник. Бѣгичевъ служилъ тогда въ кавалергардахъ.

(6) Для сопровожденія Государя и двора.

(7) Князь Александръ Александровичъ Шаховской, извѣстный драматургъ. Грибоѣдовъ былъ постоянно въ обществѣ его, Катенина, Жандра, Корсакова и пр.

(8) Павелъ Петровичъ Каверинъ, гусарскій офицеръ, въ послѣдствіи пріятель Пушкина.

(9) Марья Ивановна Валберхова, прекрасная актриса, не такъ давно умершая.

(10) Эта комедія „Своя семья“. Въ сочиненіи ея участвовали и Хмельницкій.

(11) Она напечатана въ СПБ. 1818 года.

(12) Родственникъ Алексѣя Петровича Ермолова.

(13) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ служилъ уже тогда при Московскомъ театрѣ.

(14) Катерина Семеновна Семенова, знаменитая актриса, р. 1786, ум. 1849. Она вышла замужъ за Шталмейстера Князя Ивана Алексѣевича Гагарина.

(15) Мать теперешней Московской актрисы.

(16) Россійскій Музеумъ, журналъ, издававшійся въ 1815 году въ Москвѣ В. В. Измайловымъ. Грибоѣдовъ бранитъ его за то, что въ немъ участвовали Жуковскій и его друзья, и помѣщались насмѣшки надъ Шаховскимъ.

(17) Т. е. „Дѣяніи“, изданныхъ Голиковымъ.

(18) Амликъ былъ долгое время слугою Грибоѣдова и дѣлалъ съ нимъ что хотѣлъ. Амликъ былъ стихотворецъ и резонеръ; разсужденія его были въ родѣ слѣдующихъ: „Какъ богатъ Русскій языкъ? Ну на какомъ языкѣ можно выразить слово: меланхолія?“ Или: „Къ чему вводитъ иностранныя слова, на пр. бульваръ, когда можно по русски сказать: аллея?“

(19) Илья Ивановичъ Огаревъ, недавно умершій; онъ былъ долгое время Пермскимъ Губернаторомъ.

(20) Въ послѣдствіи князь Варшавскій, родственникъ Грибоѣдова.

(21) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, бывшій тогда Флигель-Адъютантомъ. Онъ славился красотой, силой, талантами и любезностію. Ум. 1842 года.

(22) Графиня Софья Александровна Бобринская.

(23) Онъ былъ С.-Петербургскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ.

(24) Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, поэтъ.

(25) Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, извѣстный писатель.

(26) Александра Михайловна Колосова, въ послѣдствіи супруга извѣстнаго трагика Василя Андреевича Каратыгина.

(27) См. предыдущее примѣчаніе.

(28) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ. Род. 1781. Ум. 1827. Онъ былъ женою на дочери знаменитаго графа Николая Семеновича Мордвинова.

(29) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, извѣстный знатокъ изящныхъ искусствъ и композиторъ, недавно умершій. Онъ жилъ тогда въ Москвѣ.

(30) „Андромаха“, трагедія Катепина, напечатана въ СДБ. въ 1827 году.

(31) Персидскій орденъ, украшенный алмазами.

(32) Катерина Александровна Телешова, извѣстная пантомимная танцовщица, недавно умершая. Къ ней написаны стихи Грибоѣдова въ № 1 Сына Отечества 1825 года.

(33) Катерина Ивановна Ежова, актриса, подруга Шаховскаго.

(34) Давыдовъ.

(35) Статья въ Альманахѣ „Русская Талія.“

(36) См. прим. 28.

(37) Кюхельбекеръ.

(38) Братъ знаменитаго поэта.

(39) Князь Одоевскій.

(40) Ермоловъ.

(41) Имѣніе Ст. Ник. Бѣгичева, Тульской губ. Епифанскаго уѣзда. Тамъ, въ садовой бесѣдкѣ, жилъ у новобрачнаго Бѣгичева Грибоѣдовъ лѣтомъ 1823 года и написалъ 3 и 4 акты „Горе отъ ума“.

(42) Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, другъ Пушкина; род. 27 мая 1793, ум. въ Москвѣ 14 апрѣля 1856 года.

(43) Петръ Николаевичъ Ермоловъ, генераль-майоръ; род. 1787, ум. 1844. Онъ былъ двоюродный братъ знаменитаго генерала Алексѣя Петровича Ермолова.

Karamsin, ...

Pis̃ma 7 Briefe Karamsin's an A. Th. Malinowski, und Briefe Gribojedow's
an St. N. Begitschew. Hg. Unter der Redaktion v. M. N. Longinow

Moskwa 1860

P.o.rel. 3148

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036303-5